

КАРЛЪ МАРКСЪ.

О СВОБОДѢ ПЕЧАТИ.

Перевелъ съ нѣмецкаго В. А. Креверъ.

Подъ редакціей М. А. Кроля.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1906.

Засѣданія шестого рейнскаго ландтага *).

(Впечатлѣнія рейнскаго обывателя).

Пренія по вопросамъ о свободѣ печати и объ оглашеніи дебатовъ земскихъ чиновъ.

Публикованіе преній, происходящихъ въ собраніи земскихъ чиновъ, только тогда можно признать дѣйствительнымъ, когда эти пренія разсматриваются, какъ „общественное достояніе“, т. е. дѣлаются предметомъ обсужденія въ печати. Ближайшему нашему разбору подлежатъ труды послѣдней сессіи рейнскаго ландтага.

Мы начнемъ съ „преній о свободѣ печати“ и считаемъ нужнымъ оговориться, что, хотя при обсужденіи нами даннаго вопроса, мы иногда будемъ высказывать наши собственные взгляды, но въ дальнѣйшихъ статьяхъ мы будемъ слѣдить за трудами ландтага и разсматривать ихъ преимущественно съ точки зрѣнія историка-наблюдателя.

Такое различіе въ отношеніи нашемъ къ разнымъ вопросамъ вызывается самымъ характеромъ трудовъ ландтага. Во время преній по всѣмъ остальнымъ вопросамъ мнѣнія земскихъ чиновъ, несмотря на нѣкоторое ихъ различіе, оказывались приблизительно на одинаковомъ уровнѣ. Напротивъ, въ вопросѣ о печати

*) Статья эта, первоначально напечатанная въ „Рейнской Газетѣ“, вошла въ I т. изданнаго Фр. Мерингомъ „Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassalle“

противники свободной печати обладали значительными преимуществами. Оставляя въ сторонѣ тѣ „крылатыя“ слова и общія мѣста, которыя носятся въ воздухѣ, мы находимъ у противниковъ свободной печати болѣзненный аффектъ, страстное предубѣжденіе, которыя даютъ имъ возможность занять дѣйствительную, а не воображаемую позицію по отношенію къ печати, въ то время какъ защитники свободы печати въ этомъ ландтагѣ вообще не проявляютъ никакого реального отношенія къ своему протезе. Они, эти защитники, никогда не ощущали потребности въ свободѣ печати. Она для нихъ вопросъ разума, но сердце ихъ никакого участія въ этомъ дѣлѣ не принимаетъ; она для нихъ „экзотическое“ растеніе, къ которому они относятся только какъ любители. Вотъ почему противъ особенно „важныхъ“ доводовъ противниковъ были выставлены слишкомъ общія и расплывчатая разсужденія, и самая ограниченная мысль считалась весьма важной. до тѣхъ поръ, покуда не была доказана ея ничтожность.

Гёте какъ-то сказалъ, что художнику удается только такая женская красота, типъ которой онъ любилъ хотя бы въ одной живой женщинѣ. Свобода печати есть также красота, хотя и не женская, которую надо любить, чтобы быть въ состояніи защищать ее. Существованіе того, что я дѣйствительно люблю, я воспринимаю какъ необходимость, какъ то, въ чемъ я ощущаю потребность и безъ чего мое существо не можетъ найти полного и всесторонняго удовлетворенія. А эти защитники свободы печати могутъ, повидимому, прекрасно существовать и безъ нея.

Либеральная оппозиція указываетъ намъ высоту уровня политическаго собранія, точно также какъ оппозиція вообще указываетъ высшую точку подъема общества. Такая эпоха, когда сомнѣваться въ существованіи привидѣній — значитъ обладать философскимъ мужествомъ, когда возмущаться процессами противъ вѣдьмъ — значитъ идти противъ общаго мнѣнія, такая эпоха есть законная эпоха привидѣній и процессовъ противъ вѣдьмъ. Страна, которая, какъ древнія Аѳины, считала прихлебателей, паразитовъ, льстецовъ исключеніями изъ народнаго разума, третировало ихъ, какъ „народныхъ“ дураковъ, есть страна независимости и самостоятельности. На-

родъ, который, какъ всѣ народы добраго стараго времени, предоставилъ только придворнымъ шутамъ право думать и высказывать правду, можетъ быть только народомъ рабства и зависимости. Сеймъ, въ которомъ оппозиціи приходится доказывать, что свобода воли составляетъ основную черту чело-вѣка, по меньшей мѣрѣ не есть сеймъ, обладающій свободной волей. Исключеніе лишь подтверждаетъ правило. Либеральная оппозиція показываетъ намъ, какова позиція либераловъ и насколько свобода воплотилась въ жизни.

Если мы выше замѣтили, что защитники свободы печати въ ландтагѣ совершенно не оказались на высотѣ положенія, то еще съ большимъ правомъ это можно сказать обо всемъ вообще ландтагѣ.

И при всемъ томъ мы возвращаемся къ разсмотрѣнію дебатовъ земскихъ чиновъ по данному вопросу, не только изъ интереса къ свободѣ печати, но также изъ интереса ко всему ландтагу вообще. Мы нигдѣ не найдемъ специфическаго сословнаго духа въ болѣе рѣзкой формѣ, болѣе опредѣленно и полно выраженнымъ, чѣмъ въ дебатахъ о печати. Въ особенности это относится къ оппозиціи противъ свободы печати, ввиду того, что въ оппозиціи противъ какой-либо общей свободы наиболѣе яростно, безпощадно и озлобленно пробивается духъ обособленности, индивидуальныя интересы отдѣльнаго сословія и природная косность характера.

Пренія даютъ намъ полемику княжескаго сословія противъ свободы печати, полемику дворянско-рыцарскаго сословія, полемику горожанъ, словомъ, полемизируетъ не отдѣльный индивидуумъ, а цѣлое сословіе. Какое же зеркало вѣрнѣе отразитъ внутренній характеръ нашего ландтага, чѣмъ дебаты о печати?

* * *

Мы начнемъ съ тѣхъ, которые говорили противъ свободы печати и, какъ это полагается, съ оратора изъ княжескаго сословія.

На первой части его рѣчи, въ которой онъ заявляетъ, что

„и свобода печати, и цензура объ не годятся и т. д.“, мы не будем останавливаться по существу, такъ какъ этотъ вопросъ былъ основательно разобранъ другимъ ораторомъ; но мы не можемъ оставить безъ вниманія аргументацію оратора.

„Цензура менѣе вредна, чѣмъ разнузданность печати. Это убѣжденіе все больше и больше укрѣпляется въ „нашей Германіи“ (спрашивается, какая это часть Германіи) настолько, что союзомъ даже изданы по этому поводу законы, которые были предложены Пруссіей и которымъ она сама подчинилась“.

Ландтагъ занимается вопросомъ объ освобожденіи печати отъ оковъ. Но сами эти оковы, восклицаетъ ораторъ, эти цѣпи, въ которыя закована печать, доказываютъ, что она не предназначена къ свободѣ. Ея скованное существованіе говоритъ противъ нея. Законы противъ свободы печати опровергають по существу самую свободу печати.

Это—дипломатическій аргументъ противъ всякой реформы, который самымъ нагляднымъ образомъ выражаетъ классическую теорію извѣстной партіи. Всякое ограниченіе свободы есть фактическое, неопровержимое доказательство того, что у господствующихъ круговъ разъ навсегда составилось убѣжденіе въ необходимости ограничить свободу, а это убѣжденіе въ свою очередь служитъ основаніемъ для всѣхъ дальнѣйшихъ выводовъ.

Приказано было однажды, чтобы солнце не вращалось вокругъ земли. Былъ Галилей опровергнуть?

Такимъ же образомъ въ „нашей Германіи“ создано „на законномъ основаніи“ убѣжденіе, раздѣляемое отдѣльными князьями, что крѣпостное состояніе есть нормальное состояніе опредѣленнаго разряда людей, что истина наиболѣе очевиднымъ образомъ доказывается хирургическими операціями (мы разумѣемъ пытки), что „геенну огненную“ надо демонстрировать еретикамъ кострами еще здѣсь на землѣ.

Развѣ узаконенное крѣпостное право не было фактическимъ доказательствомъ противъ той странной причуды, что человѣческое тѣло не можетъ быть объектомъ торговли и владѣнія? Развѣ пытки не опровергали ту пустую теорію, что кро-

вопусканіемъ нельзя высосать истину, что дыба не мѣшаетъ человѣку держать высокоподнятой свою голову, что судороги не означаютъ еще признанія?

Точно также, думаетъ ораторъ, существованіе цензуры опровергаетъ свободу печати. Это до нѣкоторой степени фактически вѣрно, но это такая фактическая истина, что величину ея можно измѣрить топографически, такъ какъ за предѣлами извѣстныхъ пограничныхъ заставъ она уже не фактъ и не истина.

„Ни въ области слова, ни въ области печати“, учать насъ далѣе, „ни въ нашей провинціи, ни во всей остальной Германіи истинное развитіе всего благороднаго и прекраснаго до сихъ поръ не было сковано“. Благородная „правдоточивость“ нашей прессы есть даръ цензуры.

Мы обратимъ теперь изложенную аргументацію оратора противъ него самаго; вмѣсто разумнаго основанія мы сошлемся на законъ. Въ новѣйшей прусской инструкціи для цензоровъ официально указывается на то, что до сихъ поръ печать подвергалась слишкомъ большимъ ограниченіямъ, что ей теперь только предстоитъ добиться своего истиннаго національнаго значенія. Пусть ораторъ видитъ, что убѣжденія, господствующія въ „нашей Германіи“ весьма разнообразны.

Но что за бессмысленный парадоксъ—видѣть въ цензурѣ благоприятную почву для развитія нашей лучшей прессы!

Величайшій ораторъ французской революціи, громовой голосъ котораго еще звучитъ и въ наше время, тотъ левъ, рычаніе котораго нужно слышать самому, чтобы вмѣстѣ съ народомъ закричать ему: „хорошо ты рычишь, левъ!“ — Мирабо получилъ свое образованіе въ тюрьмахъ. Слѣдуетъ ли поэтому тюрьму признать высшей школой ораторскаго искусства?

Это дѣйствительно княжескій предрасудокъ—когда нѣмецкій духъ, вопреки всей системѣ запретовъ, сталъ обдѣлывать свои дѣла въ крупномъ масштабѣ,—думать, что таможенныя заставы и кордоны сдѣлали его крупнымъ дѣльцомъ. Духовное развитіе Германіи росло не благодаря цензурѣ, но вопреки ей...

Когда печать страдаетъ и гибнетъ подъ гнетомъ цензуры, то такое положеніе вещей выставляютъ, какъ аргументъ

противъ свободы печати, хотя оно свидѣтельствуетъ только противъ угнетенія. Когда печать вопреки цензурѣ на дѣлѣ обнаруживаетъ свое полное глубокаго смысла содержаніе, то это относится на счетъ цензуры, хотя это обстоятельство говорить только за свободу духа, а не за оковы.

Впрочемъ, это находится въ связи съ „истиннымъ развитіемъ всего благороднаго“. Въ эпоху самой строгой цензуры, съ 1819 г. до 1830 г. (позднѣе цензура, если не въ „нашей Германіи“, то, по крайней мѣрѣ, въ большей части остальной Германіи подѣ влияніемъ духа времени и разныхъ теченій, возникшихъ тогда, сама была подвергнута цензурѣ) наша литература переживала свою эпоху „вечернихъ газетъ“, которую съ такимъ же правомъ можно назвать „истинной, благородной и полной духовнаго развитія“, съ какимъ редакторъ вечерней газеты, нѣкій провинціалъ Винклеръ юмористически называлъ себя „лучомъ свѣта“, хотя мы не мало должны хвалить его за то, что его лучъ проникалъ въ трясины въ это темное время. Этотъ захолустный житель провинціального угла, съ кличкой „лучъ свѣта“ можетъ считаться прототипомъ тогдашней литературы, которой „великій постъ“ докажетъ потомству, что если немного святыхъ могутъ прожить сорокъ дней безъ пищи, то вся Германія, которая никогда не была святой, ухитрилась прожить болѣе 20-ти лѣтъ безъ всякаго производства и потребленія въ области духа. Печать пресмыкалась, и сомнѣніе возникало лишь относительно того, что въ ней преобладаетъ, умственное убожество надъ нравственнымъ, отсутствіе формы надъ отсутствіемъ содержанія или наоборотъ. Для Германіи критика сдѣлала бы самое большое дѣло, еслибы она могла доказать, что этого періода вовсе не было. Въ единственной области литературы, гдѣ тогда еще бился пульсъ жизни, въ области философской, перестали говорить по нѣмецки, такъ какъ нѣмецкій языкъ пересталъ быть языкомъ мысли. Духъ произносилъ непонятныя мистическія слова, потому что понятныя слова больше не должны были быть понятными.

Что же касается примѣра рейнской литературы,—а этотъ примѣръ во всякомъ случаѣ ближе всего касается рейнскихъ сословій,—то можно съ фонаремъ Діогена въ рукахъ обойти

всѣ пять округовъ, и нигдѣ не встрѣтитъ „настоящаго человека“. Такое обстоятельство мы считаемъ не недостаткомъ рейнской провинціи, а гораздо болѣе доказательствомъ ея практически здраваго политическаго смысла. Рейнская провинція въ состояніи создать свободную печать, но для созданія порабощенной прессы ей достааетъ ни ловкости, ни воображенія.

Только что закончившійся литературный періодъ, который мы можемъ назвать періодомъ строгой цензуры, является очевиднымъ, историческимъ доказательствомъ того, что цензура во всякомъ случаѣ нанесла непоправимый, ничѣмъ неоправдываемый ущербъ развитію нѣмецкаго духа и что поэтому она никоимъ образомъ не предназначена, какъ думаетъ ораторъ, для роли „magister'a bonarum artium“. Или можетъ быть подъ „истинной прекрасной печатью“ разумѣютъ печать, которая съ достоинствомъ носить свои цѣпи?

Если ораторъ позволяетъ себѣ вспомнить извѣстную поговорку „о маленькихъ пальцахъ и цѣлой рукѣ“, то мы позволимъ себѣ спросить его, не соотвѣтствуетъ ли больше достоинству правительства отдать для развитія духа своего народа, не одну руку, а обѣ руки.

Нашъ ораторъ, какъ мы видѣли, разрѣшаетъ вопросъ о соотношеніи между цензурой и духовнымъ развитіемъ небрежно съ важнымъ видомъ, дипломатически трезво. Еще опредѣленнѣе представляетъ онъ отрицательную сторону своего словія въ своихъ нападкахъ на историческія формы, въ которыхъ проявлялась свобода печати.

Что касается существованія свободы печати у другихъ народовъ, то „Англія никоимъ образомъ не можетъ быть образцомъ, такъ какъ тамъ уже въ теченіе столѣтій, историческимъ путемъ, создались такія отношенія, которыя ни въ какой другой странѣ теоретическимъ путемъ не могутъ быть вызваны къ жизни, но которыя обязаны своимъ возникновеніемъ особенностямъ англійской жизни“. „Въ Голландіи свобода печати не могла спасти народа отъ тяжелыхъ національныхъ долговъ и главнымъ образомъ только способствовала революціи, имѣвшей своимъ послѣдствіемъ потерю половины ея территоріи“. Францію мы пропускаемъ, чтобы вернуться къ ней позже.

„Наконецъ, Швейцарія, представляетъ ли она какое-то Эльдорадо, ошастливленное свободой печати? Развѣ можно безъ отвращенія вспомнить грубыя войны между партіями, имѣвшія мѣсто на страницахъ тамошнихъ газетъ, войны, въ которыхъ названія партій, въ полномъ соотвѣтствіи съ ихъ малымъ человѣческимъ достоинствомъ дѣлились на „рогатыхъ“ и „копытныхъ“, сообразно частямъ тѣла животныхъ, и которыя стали ненавистны всеѣмъ сосѣдямъ, благодаря своимъ плоскимъ пасквилямъ!“

Англійская печать вообще ничего не говоритъ за свободу печати, потому что она покоится на историческихъ основаніяхъ.

Печать въ Англии имѣетъ заслуги потому, что она „историческая“, а не какъ печать вообще, которая должна была бы возникнуть безъ историческихъ основаній. Только исторія имѣетъ заслуги, а не печать. Какъ будто печать не относится къ исторіи, какъ будто англійская печать въ царствованіе Генриха VIII, Маріи Католической, Елизаветы и Іакова не вела ожесточенной, часто варварской войны для того, чтобы завоевать англійскому народу его „историческія основанія“?

И развѣ не говоритъ, напротивъ, въ пользу свободы печати то, что англійская печать при полномъ отсутствіи всякихъ стѣсненій не дѣйствовала разрушающимъ образомъ на „историческія основанія“? Но оратора непоследовательность не смущаетъ.

Англійская печать не показываетъ въ пользу печати вообще, *потому*, что она англійская. Голландская печать говоритъ противъ печати вообще, *хотя* она только голландская. Одинъ разъ все преимущества печати присвоены „историческимъ основаніямъ“, въ другой разъ она отвѣчаетъ за все недостатки „историческихъ основаній“. Въ одномъ случаѣ печать не должна имѣть никакой доли въ историческихъ совершенствахъ, въ другомъ случаѣ исторія не должна имѣть никакого участія — въ недостаткахъ печати. Но какъ печать въ Англии развивалась вмѣстѣ съ ея исторіей и особенностями ея положенія, точно также это было и въ Голландіи и Швейцаріи.

Должна ли печать отражать „историческія основанія“, сохранять ихъ или развивать? Каждую изъ этихъ функций ораторъ ставитъ ей въ упрекъ.

Онъ порицаетъ голландскую прессу, потому что она историческая. Она должна была помѣшать исторіи, она должна была спасти Голландію отъ тяжелыхъ національныхъ долговъ! Какое не-историческое требованіе! Голландская печать не могла помѣшать эпохѣ Людовика XIV; голландская печать не могла помѣшать тому, чтобы англійскій флотъ подъ начальствомъ Кромвеля сдѣлался первымъ европейскимъ флотомъ; она не могла заколдовать океанъ, который возложилъ на Голландію тяжелую роль—быть театромъ военныхъ дѣйствій континентальныхъ державъ; также мало, какъ всѣ цензуры въ Германіи, она могла парализовать деспотическія дѣйствія Наполеона.

Но развѣ свободная печать увеличила тогда сумму національнаго долга? Когда въ регентство принца Орлеанскаго вся Франція потеряла голову на финансовыхъ афферахъ Джона Ло, кто еще выступилъ противъ этой фантастической *Sturm und Drang* эпохи денежной спекуляціи, кромѣ нѣсколькихъ сатириковъ, которые во всякомъ случаѣ владѣли не банковыми билетами, но билетами для того, чтобы попасть въ Бастилію?

Требованіе, чтобы печать охраняла государственные долги и, что можно далѣе вывести отсюда, уплатила отдѣльнымъ индивидуумамъ ихъ долги, напоминаетъ исторію того литератора, который постоянно сердился на своего врача за то, что тотъ хотя излечилъ болѣзнь его тѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ не избавилъ отъ опечатокъ его произведенія. Свобода печати такъ же мало, какъ и врачъ, обѣщаетъ сдѣлать человѣка или цѣлый народъ совершеннымъ. Она сама по себѣ совершенство. Это очень тривиальная манера—порицать одно благо за то, что оно опредѣленное благо, а не всѣ блага вмѣстѣ взятыя, за то, что оно—такое благо, а не другое. Безъ сомнѣнія, если бы свобода печати была благомъ всѣхъ благъ, то она сдѣлала бы излишними всѣ другія функціи народа, и даже самый народъ былъ бы лишнимъ.

Ораторъ упрекаетъ голландскую прессу за бельгійскую революцію. Ни одинъ человѣкъ, хоть сколько-нибудь исторически образованный, не станетъ отрицать, что разрывъ между Бельгіей и Голландіей былъ болѣе историческимъ фактомъ нежели ихъ соединеніе.

Пресса въ Голландіи содѣйствовала бельгійской революціи. Какая пресса? Реформаторская или реакціонная? Вопросъ, который мы можемъ поставить также относительно Франціи, и если ораторъ порицаетъ клерикальную бельгійскую прессу, которая одновременно была демократической, то онъ порицаетъ также клерикальную прессу во Франціи, которая была вмѣстѣ съ тѣмъ монархической. Обѣ онѣ содѣйствовали паденію своихъ правительствъ. Во Франціи была революціонной не свободная печать, но цензура.

Но не говоря уже объ этомъ, бельгійская революція впервые выступаетъ, какъ революція духа, какъ революція печати. Если бы это было не такъ, то утвержденіе, что печать сдѣлала бельгійскую революцію, не имѣла бы никакого смысла. Но развѣ за это слѣдуетъ хулить? Должна ли революція тотчасъ же выступать матеріально? Бить, вмѣсто того, чтобы говорить? Правительство можетъ сдѣлать матеріальной революцію духа; матеріальная революція должна еще сначала одухотворить правительство.

Бельгійская революція есть продуктъ бельгійскаго духа. Поэтому и печать, это наиболѣе свободное поприще, на которомъ въ настоящее время проявляется духъ народа, имѣетъ свою долю участія въ бельгійской революціи. Бельгійская печать не была бы бельгійской, еслибы она далеко стояла отъ революціи, но такимъ же точно образомъ бельгійская революція не была бы бельгійской, если бы она не была въ то же время революціей печати. Революція народная есть революція всеобщая; это значитъ, что каждая сфера жизни участвуетъ въ революціи на свой ладъ; почему же пресса не должна участвовать въ революціи, какъ таковая?

Такимъ образомъ ораторъ ставитъ въ вину бельгійской печати не то, что она—печать, а то, что она бельгійскаго происхожденія. И здѣсь передъ нами выясняется исходный пунктъ его историческаго взгляда на свободу печати. Національный характеръ свободной печати,—само собой разумѣется художникъ не пишетъ большой исторической картины водяными красками,—историческая индивидуальность свободной печати, которая дѣлаетъ ее вѣрнымъ отраженіемъ духа народа—вотъ что противно оратору изъ княжескаго сословія. Къ печати раз-

личныхъ народовъ онъ предъявляетъ требованіе съдѣлать печатью, отвѣчающей его взглядамъ, печатью высокопоставленныхъ круговъ, и вмѣсто того, чтобы предоставить ей вращаться около міровыхъ тѣлъ,—народовъ,—онъ предписываетъ ей заниматься судьбой отдѣльныхъ индивидуумовъ. Въ совершенно обнаженномъ видѣ выступаетъ это требованіе его въ разсужденіи его о швейцарской печати.

Но прежде всего мы позволимъ себѣ предложить одинъ вопросъ. Почему ораторъ не вспомнилъ, что въ лицѣ Альбрехта фонъ-Галлера швейцарская печать приблизилась къ Вольте-ровскому свободомыслию? Почему ораторъ не помнитъ, что если Швейцарія и не Эльдорадо, она всетаки дала приютъ пророку будущаго княжескаго Эльдорадо, тоже г. фонъ-Галлеру, который своей книгой: „Реставрація государственныхъ наукъ“ положилъ основаніе „истинной, прекрасной печати“, „Берлинскому Политическому Еженедѣльнику“? По плодамъ ея вы должны ее узнать. И какая другая почва на свѣтѣ можетъ потягаться со Швейцарской, взрастившей этотъ сочный плодъ лояльности?

Ораторъ осуждаетъ швейцарскую прессу за то, что она приняла „звѣриныя названія“ для партій, подѣлила ихъ на „рогатныхъ“ и „копытныхъ“, короче говоря, за то, что она говоритъ по-швейцарски и обращается къ швейцарцамъ, которые живутъ въ извѣстныхъ патріархальныхъ отношеніяхъ съ быками и коровами. Печать этой страны остается печатью этой страны. Больше объ этомъ ничего нельзя сказать. За то свободная печать выводитъ читателей за предѣлы ограниченнаго кругозора партикуляризма, что лучше всего доказываетъ та же швейцарская печать.

Что же касается спеціально „звѣринныхъ“ названій партій, то мы замѣтимъ, что даже религія почитаетъ животное, какъ символъ священнаго. Нашъ ораторъ, конечно, будетъ упрекать индуескую прессу, которая въ религіозномъ восторгѣ боготворитъ корову Сабалу и обезьяну Гануманъ. Онъ будетъ упрекать индуескую печать за индуескую религію, точно такъ же, какъ швейцарскую—за швейцарскій характеръ; но существуютъ такія писанія, которыя онъ едва-ли желалъ бы подчинить цензурѣ: мы разумѣемъ священное писаніе—Библию: а развѣ она не дѣлитъ весь человѣческій родъ на двѣ большія партіи:

козлищъ и овецъ? Развѣ самъ Богъ не характеризуетъ своихъ отношеній къ дому Іуды и Израиля слѣдующимъ образомъ: „Я—моль дому Іуды и червякъ дому Израиля“? *). Или, если обратимся къ земному, что для насъ ближе, то развѣ не существуетъ княжеской литературы, которая обращаетъ всю антропологию въ зоологию: мы разумѣемъ гральдическую литературу? Эта литература даетъ еще большіе курьезы, нежели партіи „рогатыхъ“ и „копытныхъ“. — Итакъ, за что же ораторъ нападаетъ на свободу печати? Не за то ли, что недостатки народа суть недостатки его печати, что она говоритъ безпощаднымъ языкомъ и даетъ неприкрашенный образъ историческаго народнаго духа? Доказалъ ли онъ, что нѣмецкій народный духъ не обладаетъ такой великой естественной привилегіей? Онъ доказалъ, что каждый народъ выражаетъ свой духъ въ своей печати. Неужели же философски образованный духъ нѣмцевъ не обладаетъ тѣмъ, что, по собственному утверженію оратора, можно найти у объединившихся въ „звѣриныя“ партіи швейцарцевъ?

Наконецъ, думаетъ ли ораторъ, что національные недостатки свободной печати не суть также національные недостатки цензоровъ? Развѣ цензоры исключены изъ историческаго единства и не подвержены духу времени? Къ сожалѣнію, такіе случаи бывають, но какой здравомыслящій человѣкъ не проститъ охотнѣе грѣховъ націи и времени, проявившихся въ прессѣ, чѣмъ грѣховъ противъ націи и духа времени, проявившихся въ цензурѣ?

Выше мы замѣтили, что въ лицѣ отдѣльныхъ ораторовъ противъ свободы печати полемизировали сословія, къ которымъ они принадлежать. Ораторъ княжескаго сословія прежде всего выставилъ дипломатическіе доводы. Онъ доказалъ вредъ свободы печати съ точки зрѣнія княжескихъ убѣжденій, которыя достаточно ясно выразились въ законѣ о цензурѣ. Онъ полагалъ, что благородное, истинное развитіе нѣмецкаго духа происходитъ подъ вліяніемъ препятствій, создаваемыхъ сверху. Онъ, наконецъ, полемизировалъ съ народами и съ благороднымъ отвращеніемъ порицалъ свободу печати, какъ недели-

*) Іосія гл. 12, ст. 5).

катный, некорректный языкъ народа, направленный противъ него самого.

* *
*

Ораторъ изъ рыцарскаго сословія, къ которому мы теперь переходимъ, полемизировалъ не съ народами, но съ людьми. Въ лицѣ свободы печати онъ воевалъ противъ человѣческой свободы, въ лицѣ законовъ о печати онъ воевалъ противъ закона. Прежде чѣмъ перейти собственно къ вопросу о свободѣ печати, онъ поднялъ вопросъ о ежедневномъ и безъ сокращеній публикованіи дебатовъ ландтага. Мы послѣдуемъ за нимъ, шагъ за шагомъ. „Первое предложеніе объ опубликованіи преній ландтага *принято*. Дѣло ландтага сдѣлать изъ этого разрѣшенія мудрое употребленіе“. Въ этомъ и заключается сущность вопроса. Провинція думаетъ, что ландтагъ находится въ ея рукахъ, разъ публикованіе происходящихъ въ немъ дебатовъ не предоставлено болѣе произволу его мудрости, а сдѣлалось необходимымъ по закону. Мы могли бы назвать новое разрѣшеніе шагомъ назадъ, еслибы оно было истолковано въ томъ смыслѣ, что опубликованіе дебатовъ вообще предоставлено произволу земскихъ сословій.

Привилегія земскихъ сословій не можетъ быть правомъ провинціи. Гораздо скорѣе права провинціи прекращаются тамъ, гдѣ они становятся привилегіями земскихъ сословій. Такъ, средневѣковыя сословія поглотили въ себя всѣ права страны и обратили ихъ въ привилегіи, шедшія въ разрѣзъ съ интересами гражданъ.

Гражданинъ не желаетъ сознать права какъ привилегію. Можетъ ли онъ признавать правомъ—присоединеніе новаго круга привилегированныхъ лицъ къ прежнимъ?

Права ландтага при такихъ условіяхъ уже не являлись бы правами провинціи, но правами противъ интересовъ провинціи, и самъ ландтагъ сталъ бы считать при такомъ мистическомъ толкованіи вопіющую несправедливость противъ провинціи своимъ величайшимъ правомъ.

Насколько сильно ораторъ изъ рыцарскаго сословія подчинился этимъ средневѣковымъ воззрѣніямъ ландтага, съ какой

несдержанностью онъ отстаивалъ привилегіи ландтага противъ права страны, покажетъ продолженіе его рѣчи.

„Широкое использование такого разрѣшенія (обнародованія дебатовъ) можетъ быть результатомъ внутренняго убѣжденія, но оно не можетъ являться слѣдствіемъ внѣшнихъ вліяній“.

Поразительный оборотъ! Вліяніе провинціи на ея ландтагъ обозначается какъ внѣшнее вліяніе, и ему противопоставляется убѣжденіе земскихъ чиновъ, какъ тонкій, деликатный внутренній аппаратъ, конструкція котораго, въ высшей степени чувствительная, взываетъ къ провинціи: „*Nolme tangere*“ (не тронь меня!). Эта элегическая фраза о „внутреннемъ убѣжденіи“ пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе рядомъ съ суровой, внѣшней, ничѣмъ не оправдываемой бурей „общественнаго убѣжденія“, что предложеніе, внесенное въ ландтагъ какъ разъ стремится къ тому, чтобы внутреннія убѣжденія земскихъ чиновъ сдѣлать внѣшними и явными. Во всякомъ случаѣ, мы и здѣсь замѣчаемъ непослѣдовательность. Тамъ, гдѣ ораторъ себя чувствуетъ хорошо, въ церковныхъ вопросахъ, онъ ссылается на провинцію.

„Мы допустимъ публикованіе“ продолжаетъ ораторъ: „тамъ, гдѣ мы его найдемъ цѣлесообразнымъ, и ограничимъ это право тамъ, гдѣ его расширеніе покажется намъ безцѣльнымъ или даже просто вреднымъ“.

Мы будемъ дѣлать то, что хотимъ. *Sic volo, sic jubeo, stat pro ratione voluntas*. Это рѣчь властелина, которая во всякомъ случаѣ въ устахъ современнаго сословнаго представителя имѣетъ трогательный привкусъ.

Кто это „мы“? Земскія сословія. Пренія публикуются для провинціи, а не для земскихъ чиновъ; но ораторъ поучаетъ насъ лучшему. Публикованіе трудовъ ландтага также есть привилегія земскихъ сословій, которыя имѣютъ право, когда это имъ покажется удобнымъ, въ отвѣтъ на свою мудрость вызвать многоголосое эхо посредствомъ печатнаго станка.

Ораторъ признаетъ только провинцію земскихъ сословій, а не земскія сословія провинціи. Земскія сословія обладаютъ провинціей, на которую распространяется привилегія ихъ дѣятельности, но провинція не имѣетъ земскихъ сословій, черезъ ко-

торыя она могла бы сама дѣйствовать; словомъ, провинція имѣеть право, при соблюденіи закономъ предписанныхъ условій, сотворить себѣ этихъ боговъ, но тотчасъ же послѣ акта творенія она, какъ идолопоклонникъ, должна забыть, что боги эти—дѣло ея собственныхъ рукъ.

Между прочимъ не слѣдуетъ забывать, почему монархія безъ ландтага не больше стоитъ, чѣмъ монархія съ ландтагомъ, ибо, если ландтагъ не является представителемъ воли провинціи, то мы питаемъ больше довѣрія къ государственной мудрости правительства, чѣмъ къ приватной мудрости представителей отъ сословій.

Здѣсь передъ нами открывается удивительное, обязанное, быть можетъ, самому существу ландтаговъ, зрѣлище, какъ провинція оказывается вынужденной вступать въ борьбу не *черезъ* своихъ представителей, но *противъ* нихъ самихъ. По мнѣнію оратора, ландтагъ не считаетъ общихъ правъ провинціи своими единственными привилегіями, ибо въ такомъ случаѣ ежедневное публикованіе безъ сокращеній трудовъ ландтага было бы новымъ правомъ ландтага потому, что оно представляетъ собою новое право провинціи; но по его мнѣнію страна скорѣе должна считать своими единственными правами привилегіи земскихъ сословій; почему также не привилегіи какого-нибудь класса чиновниковъ и знати или духовенства!

Да, нашъ ораторъ открыто заявляетъ, что привилегіи земскихъ сословій уменьшаются въ той мѣрѣ, въ какой увеличиваются права провинціи.

„Насколько ему кажется желательнымъ, чтобы здѣсь, въ собраніи, имѣла мѣсто свобода преній и чтобы не приходилось боязливо взвѣшивать слова, настолько же ему представляется необходимымъ въ цѣляхъ сохраненія этой свободы слова и этой откровенности рѣчи, чтобы пренія ихъ отъ времени до времени подвергались обсужденію только со стороны тѣхъ, для кого онѣ предназначены“.

Именно потому, заканчиваетъ ораторъ, что въ нашемъ собраніи желательна свобода преній,—а какія только свободы не желательны, разъ рѣчь идетъ о насъ,—именно поэтому свобода преній въ провинціи въ высшей степени не желательна. Такъ какъ желательно чтобы мы разговаривали откровенно, то

тѣмъ болѣе желательно держать провинцію подъ покровомъ тайны. Наши рѣчи не предназначены для провинціи.

Нужно признать тотъ тактъ, съ которымъ ораторъ вывелъ, что ландтагъ, благодаря опубликованію безъ сокращенія своихъ трудовъ, сталъ бы изъ привилегіи земскихъ сословій — правомъ провинціи, что онъ, сдѣлавшись непосредственнымъ объектомъ общественнаго мнѣнія, долженъ былъ бы рѣшиться стать объективированнымъ общественнымъ мнѣніемъ, что при свѣтѣ общаго самосознанія онъ долженъ былъ бы пожертвовать особенностями своего существа ради общаго интереса.

Но если ораторъ изъ рыцарскаго сословія вмѣсто общихъ правъ отстаиваетъ личныя привилегіи, индивидуальныя свободы, идущія въ разрѣзъ съ интересами народа и правительства и такимъ путемъ неоспоримо выражаетъ духъ исключительности, свойственный его сословію, то, напротивъ, духъ, господствующій въ провинціи, онъ толкуетъ самымъ превратнымъ образомъ, когда онъ общія ея требованія истолковываетъ какъ личныя ея прихоти.

Такъ, ораторъ рисуетъ въ яркихъ краскахъ жадное любопытство провинціи къ „нашимъ рѣчамъ“ (т. е. къ рѣчамъ земскихъ чиновъ).

Мы увѣряемъ его, что провинція никоимъ образомъ не интересуется рѣчами земскихъ чиновъ, какъ отдѣльныхъ лицъ, а между тѣмъ только „такія“ рѣчи они, земскіе чины, могутъ по праву называть „своими“. Провинція гораздо больше заинтересована въ томъ, чтобы рѣчи земскихъ чиновъ обратились въ общедоступный внятный голосъ страны.

Рѣчь идетъ о томъ, должна ли провинція сознательно относиться къ своему представительству или нѣтъ! Должна ли къ тайнѣ правительства прибавиться еще новая тайна представительства? Народъ представленъ также въ своемъ правительствѣ. Новое представительство того же народа черезъ земскихъ чиновъ было бы поэтому совершенно бессмысленнымъ, еслибы его специфическій характеръ не заключался какъ разъ въ томъ, что здѣсь работаютъ не для провинціи, а что здѣсь работаетъ она *сама*; что провинція въ ландтагъ не представлена кѣмъ-то другимъ, а сама себя представляетъ. Представительство, которое не связано съ сознаніемъ

представляемыхъ имъ людей, вовсе не есть представи-
тельство.

Чего не знаешь, о томъ не воспоминаешь. Безсмысленное противорѣчіе современнаго нашего государственнаго строя заключается въ томъ, что функція государства, которая главнѣйшимъ образомъ и выражаетъ собой самодѣятельность отдѣльныхъ провинцій, изъята даже отъ формальнаго воздѣйствія на него со стороны народа, благодаря тому, что все дѣлается подъ прикрытіемъ тайны; безсмыслица въ томъ, что моя собственная самодѣятельность должна выражаться въ неизвѣстной мнѣ дѣятельности другого лица.

Публикованіе трудовъ ландтага, по усмотрѣнію самого ландтага, хуже чѣмъ отсутствіе всякой публикаціи, ибо если ландтагъ даетъ мнѣ не то, что онъ есть, а только то, чѣмъ онъ желалъ бы быть въ моихъ глазахъ, то я его приму за то, что онъ мнѣ даетъ, за видимость, а это худо, когда видимость пріобрѣтаетъ характеръ чего-то законно-существующаго.

Развѣ ежедневное публикованіе отчетовъ безъ сокращеній путемъ печати можно по праву назвать несокращеннымъ и публичнымъ? Развѣ это не сокращеніе—подставлять вмѣсто словъ—буквы, вмѣсто лицъ—схемы, вмѣсто дѣйствительныхъ актовъ—бумажные? И развѣ публичность заключается только въ томъ, что *дѣйствительные* факты докладываются *публикѣ*, а не въ томъ, что они докладываются *дѣйсивительной* публикѣ, т. е. не вооброжаемой, читающей, а живой современной публикѣ?

Нѣтъ большаго противорѣчія, чѣмъ то, что величайшіе общественные акты провинціи остаются въ тайнѣ, что въ частныхъ процессахъ двери суда открыты для провинціи, а въ ея собственномъ процессѣ она должна стоять передъ закрытыми дверями.

Публикованіе безъ сокращеній трудовъ ландтага должно поэтому въ его истинномъ и логическомъ смыслѣ заключаться ни въ чемъ другомъ, какъ въ полной публичности за-сѣданій ландтага.

А нашъ ораторъ, напротивъ, хочетъ разсматривать его какъ своего рода курительную комнату.

„Велѣдствіе долголѣтняго знакомства большинство изъ насъ находится между собою въ хорошихъ личныхъ отношеніяхъ несмотря на различія во взглядахъ, и это наслѣдуютъ отъ насъ всё вновь вступающіе“.

„Именно поэтому мы больше всего въ состояніи оцѣнивать достоинство нашихъ рѣчей, и это дѣлалось бы тѣмъ откровеннѣе, чѣмъ меньше мы подвергались бы дѣйствию постороннихъ вліяній, которыя только тогда бывають нужны, когда выступаютъ въ видѣ доброжелательныхъ совѣтовъ, а не стремятся въ видѣ рѣшительныхъ сужденій, похвалы или порицанія, подѣйствовать на насъ своей публичностью“.

Господинъ ораторъ говоритъ объ уютности.

Мы собрались здѣсь такъ по семейному, болтаемъ, не стѣсняясь, мы такъ точно взвѣшиваемъ цѣнность нашихъ собственныхъ рѣчей; должны ли мы измѣнять это столь патріархальное, столь удобное, столь важное положеніе благодаря сужденіямъ провинціи, которая, быть можетъ, придаетъ нашимъ словамъ гораздо меньше цѣны?

Господи, помилуй! Ландтагъ не переноситъ дневнаго свѣта. Въ потемкахъ частной жизни намъ пріятнѣе. Если цѣлая провинція настолько довѣрчива, что ввѣряетъ свои права отдѣльнымъ индивидуумамъ, то, само собою разумѣется, эти отдѣльные индивидуумы настолько снисходительны, что принимаютъ довѣріе провинціи, но было бы настоящимъ сумасбродствомъ желать, чтобы они платили провинціи той же монетой и, полные довѣрія, отдали бы себя, свои дѣла, свою личность на судъ этой самой провинціи, которая только что показала имъ оримѣръ послѣдовательности. Во всякомъ случаѣ важнѣе, чтобы личность земскихъ чиновъ не подвергалась опасности со стороны провинціи, чѣмъ чтобы интересы провинціи не подвергались опасности со стороны земскихъ чиновъ.

Мы хотимъ быть справедливы, милостивы. Мы (а мы вѣдь своего рода правительство), мы хотя и не допускаемъ никакихъ рѣшительныхъ сужденій, ни похвалы, ни порицанія, хотя мы и не потеряемъ никакого вліянія общественнаго мнѣнія на нашу священную особу, однако мы готовы выслушать доброжелательный совѣтъ, не въ томъ отвлеченномъ смыслѣ, чтобы онъ имѣлъ въ виду благо страны, но въ томъ полномъ зна-

ченія смыслѣ, чтобы въ немъ заключалась страстная привязанность къ особамъ земскихъ чиновъ, чтобы въ немъ выразилось особое мнѣніе объ ихъ превосходныхъ качествахъ.

Правда, можно было бы подумать, что если общественное мнѣніе такъ вредно для нашихъ добрыхъ отношеній, то наши добрыя отношенія вредны для общественного мнѣнія. Но при этой софистикѣ забываютъ, что ландтагъ есть собраніе земскихъ чиновъ, а не просто провинціальное собраніе. А кто сможетъ устоять противъ самаго рѣшительнаго изъ аргументовъ?

Если страна въ силу основнаго закона назначаетъ земскихъ чиновъ, чтобы представить свой всеобщій разумъ, то она тѣмъ самымъ совершенно отказалась отъ собственнаго сужденія и разумѣнія, которыя теперь исключительно воплощены въ избранникахъ. Какъ разсказывается въ легендахъ, что великіе изобрѣтатели умерщвляются или, — что совсѣмъ не легенда, — живо хоронятся въ крѣпостяхъ, какъ только они сообщаютъ свой секретъ повелителю, — такъ политическій разумъ страны поражаетъ себя своимъ собственнымъ мечемъ всякій разъ, когда страна изобрѣтаетъ институтъ земскихъ чиновъ, впрочемъ для того только, чтобы при слѣдующихъ выборахъ вновь возродиться, какъ фениксъ.

Послѣ наивныхъ и докучливыхъ описаній тѣхъ опасностей, которыми грозятъ публикаціи трудовъ ландтага особамъ земскихъ чиновъ извнѣ, т. е. со стороны провинціи, ораторъ заключаетъ свою діатрибу тѣмъ лейтъ-мотивомъ, за которымъ мы слѣдили до сихъ поръ.

„Парламентская свобода (какъ это хорошо звучитъ!) находится еще въ первомъ періодѣ своего развитія. При заботливомъ уходѣ она должна получить ту внутреннюю силу и самостоятельность, которыя ей необходимы для того, чтобы она безъ вреда для себя была въ состояніи переносить всѣ внѣшнія бури“! Опять это роковое противоположеніе ландтага, какъ чего-то внутренняго и провинціи, какъ чего-то внѣшняго!

Мы, конечно, давно уже держимся того мнѣнія, что парламентская свобода находится еще въ началѣ своего начала, и рѣчь, которую мы сейчасъ разсматриваемъ, убѣдила насъ

лишній разъ, что въ политическихъ вопросахъ нами еще не пройдены самые первые уроки. Но отсюда мы никоимъ образомъ не выводимъ,—и эта рѣчь снова подтвердила наше мнѣніе,—что нужно еще продолжить срокъ, чтобы ландтагъ окостенѣлъ самостоятельно въ формѣ, враждебной интересамъ провинціи. Можетъ быть, ораторъ разумѣетъ подъ парламентской свободой свободу старыхъ французскихъ парламентовъ? По его собственному признанію между земскими чинами господствуетъ долготѣнее знакомство, ихъ духъ, какъ эпидемическое наслѣдіе, переходитъ къ „новымъ людямъ“ и все таки время для гласности еще не наступило? Двѣнадцатый ландтагъ можетъ дать тотъ же отвѣтъ, что и шестой, только съ болѣе рѣшительной ссылкой на то, что онъ слишкомъ самостоятеленъ, чтобы лишиться себя важной привилегіи вести свои дѣла подъ покровомъ тайны.

Безъ сомнѣнія, развитіе парламентской свободы въ старофранцузскомъ смыслѣ, самостоятельность, враждебная интересамъ общественнаго мнѣнія, кастовый духъ достигается путемъ изолированія народа въ самыхъ основныхъ вопросахъ, но какъ разъ отъ такого развитія слѣдуетъ, не медля ни минуты и самымъ энергичнымъ образомъ предостеречь. Истинно политическое собраніе преуспѣваетъ только подъ великимъ покровительствомъ гласности подобно тому, какъ все живое растетъ только на открытомъ воздухѣ. Только „экзотическія“ растенія, пересаженные въ чужой климатъ, нуждаются въ заботливомъ, тепличномъ уходѣ. Не смотритъ ли ораторъ на ландтагъ, какъ на „экзотическое“ растеніе въ свободномъ, веселомъ климатѣ Рейнской провинціи?

* *
*

Когда нашъ ораторъ изъ рыцарскаго сословія съ почти комической серьезностью, съ почти меланхолическимъ достоинствомъ и почти религіознымъ паѳосомъ развивалъ свою предпосылку о высокой мудрости земскихъ чиновъ, ихъ средневѣковой свободѣ и независимости, то человѣкъ несвѣдущій былъ бы удивленъ, когда увидѣлъ бы, какъ въ вопросѣ о свободѣ печати нашъ ораторъ спускается съ высотъ мудрости ландтага

въ глубины невѣжества человѣческаго рода и отъ только что рекомендованной независимости и свободы привилегированныхъ сословій до принципіальнаго рабства и зависяемости человѣческой природы. Мы не удивляемся этой встрѣчѣ съ однимъ изъ видовъ многочисленныхъ въ настоящее время представителей христіанско-рыцарскаго, современно-феодальнаго, короче-романтическаго принципа.

Такъ такъ эти господа разсматриваютъ свободу не какъ естественный даръ всеобщему солнцу разума, но считаютъ ее сверхъестественнымъ даромъ особенно милостиваго сочетанія звѣздъ; такъ какъ они разсматриваютъ свободу, какъ индивидуальное свойство извѣстныхъ лицъ и сословій, то они вполне послѣдовательно, по „логически упорядоченной системѣ“, вынуждены считать всеобщій разумъ и всеобщую свободу—дурнымъ образомъ мыслей и пустой фантазіей. Чтобы спасти исключительную свободу привилегій, они должны воздвигнуть гоненіе на общую свободу человѣческой природы. Но такъ какъ злое отродье XIX вѣка и само зараженное этимъ вѣкомъ сознаніе современныхъ рыцарей не можетъ постигнуть того, что непостижимо; такъ какъ совершенно не понятно, какимъ образомъ внутреннія, существенныя, общія опредѣленія могутъ быть присвоены только опредѣленному разряду людей при помощи внѣшнихъ, случайныхъ и забавныхъ пріемовъ, въ тоже время не будучи связаны съ самимъ существомъ человѣка и вообще съ разумомъ, словомъ со всѣмъ тѣмъ, что присуще всѣмъ индивидуумамъ,—то они, эти господа, по необходимости обращаются къ чудесному и таинственному. Такъ какъ, далѣе дѣйствительное положеніе этихъ го подѣ въ современномъ государствѣ никоимъ образомъ не соотвѣтствуетъ тому представленію, которое имѣется у нихъ о своемъ положеніи, такъ какъ они живутъ въ мірѣ, лежащемъ по ту сторону дѣйствительности, такъ какъ, кромѣ того, самовнушеніе составляетъ ихъ разумъ и сердце, то они, неудовлетворенные практикой жизни, хватаются за теорію, но за теорію потустороннюю—за религію, которая однако въ ихъ рукахъ получаетъ полемическую горечь, проникнутую политическими тенденціями; и болѣе или менѣе сознательно покровъ святости скрываетъ весьма свѣтскія, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма фантастическія желанія,

Такъ, нашъ ораторъ, противопоставляетъ практическимъ требованіямъ — религіозно-мистическую теорію воображенія, дѣйствительнымъ теоріямъ — мало-умную, хитро-дѣловую эмпирическую мудрость, почерпнутую изъ поверхностныхъ наблюденій, человѣческому пониманію — сверхчеловѣческую святость и дѣйствительной святости идей — произволь и невѣріе низшей точки зрѣнія. Въ болѣе важной, болѣе небрежной и поэтому трезвой рѣчи оратора изъ княжескаго сословія теперь обнаруживается еще въ большей степени патетическая напыщенность и безмѣрно фантастическое умиленіе, которыя раньше исходили изъ одного паюса привилегіи.

„Чѣмъ меньше можно оспаривать, что печать въ настоящее время есть политическая сила, тѣмъ болѣе ошибочнымъ представляется ему весьма распространенный, конечно, взглядъ, что изъ борьбы между хорошей и дурной печатью можетъ родиться истина и свѣтъ, и отъ этого можно ожидать болѣе широкаго и болѣе дѣйствительнаго ихъ распространенія. Человѣкъ одинъ и въ массѣ — всегда все тотъ же. По своей природѣ онъ несовершененъ и незрѣлъ, и нуждается въ воспитаніи до тѣхъ поръ, пока продолжается его развитіе, которое прекращается только со смертію. Но искусство воспитанія не заключается въ наказаніяхъ за недозволенные дѣйствія, а въ поощреніи добрыхъ дѣлъ и въ томъ, чтобы держать его вдали отъ дурныхъ вліяній. Съ несовершенствомъ человѣка, однако, неразрывно связано то, что заманчивыя пѣсни зла имѣютъ могущественное вліяніе на массы, и, если это обстоятельство является не абсолютнымъ, то оно во всякомъ случаѣ оказывается весьма серьезнымъ препятствіемъ для воздѣйствія на эти массы простого и трезваго голоса правды. Въ то время, какъ дурная печать обращается только къ человѣческимъ страстямъ, въ то время, какъ она не пренебрегаетъ никакими средствами, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы возбужденіемъ страстей достигнуть своей цѣли, которой въ данномъ случаѣ является возможно широкое распространеніе дурнаго вліянія и вреднаго образа мыслей, въ то время, какъ на ея сторонѣ всѣ преимущества того самаго опаснаго изъ всѣхъ наступательнаго образа дѣйствій, для котораго объективно нѣтъ никакихъ законныхъ границъ, а субъективно никакихъ нравственныхъ законовъ, и

даже чести, въ это же самое время хорошая печать обречена на оборонительное положеніе. Ея дѣйствія могли-бы въ лучшемъ случаѣ заключаться только въ томъ, чтобы предостерегать, удерживать, подкрѣплять, но она не была бы въ состояніи похвастать ни одной значительной побѣдой въ сферѣ нешіятельскаго вліянія. За счастье надо будетъ почитать, если этому еще не помѣшаютъ какія-либо внѣшнія препятствія“.

Мы цѣликомъ привели это мѣсто, чтобы не ослабить его патетическаго впечатлѣнія на читателя.

Ораторъ поставилъ себя à la hauteur des principes (на высоту принциповъ). Чтобы бороться противъ свободы печати, надо защищать взглядъ о вѣчной незрѣлости человѣческой природы. Это на самомъ дѣлѣ значить утверждать, что если въ существѣ своемъ человѣкъ не свободенъ, то свобода противорѣчитъ его существу. Злые скептики могутъ осмѣлиться не повѣрить оратору на слово.

Если несовершенство человѣческаго рода является мистическимъ основаніемъ противъ свободы печати, то цензура во всякомъ случаѣ является въ высшей степени понятнымъ средствомъ противъ человѣческой зрѣлости.

Все то, что развивается,—несовершенно. Развитие прекращается только со смертью. Если быть вполне послѣдовательнымъ, то людей слѣдуетъ убивать, чтобы избавить ихъ отъ этого состоянія вѣчнаго несовершенства. Такой выводъ, по крайней мѣрѣ, дѣлаетъ ораторъ, чтобы убить на смерть свободу печати. Настоящее воспитаніе для него заключается въ томъ, чтобы всю жизнь держать человѣка въ колыбели завернутымъ въ пеленки, ибо какъ только человѣкъ научается ходить, онъ научается также падать, и только падая, онъ научается ходить. Но если мы всѣ будемъ въ пеленкахъ, то кто же насъ будетъ пеленать? Если мы всѣ будемъ въ колыбели, то кто насъ будетъ укачивать? Если мы всѣ въ заключеніи, то кто насъ будетъ сторожить?

Человѣкъ по природѣ своей несовершененъ въ отдѣльности и въ массѣ. De principiis non est disputandum (о принципахъ не спорять). Допустимъ! Но что же отсюда слѣдуетъ? Разсужденія нашего оратора несовершенны, правительства несовершенны, ландтаги несовершенны, свобода

печати несовершенна, каждая сфера человеческого существа несовершенна. Поэтому если хоть одна из этих сфер не должна существовать, благодаря этому несовершенству, то ни одна из них не имѣть права на существованіе; тогда и человекъ вообще не имѣть права на существованіе.

Допустивъ принципиально несовершенство человекъ, мы уже напередъ знаемъ обо всѣхъ человеческихъ учрежденіяхъ, что они не совершенны; больше объ этомъ ничего нельзя сказать, это не говорить ни за, ни противъ, это—не специфическая черта, не отличительный признакъ.

Почему же какъ разъ свобода печати должна быть совершенной среди всѣхъ этихъ несовершенствъ? Почему несовершенный земскій чинъ требуетъ совершенной печати?

Несовершенное нуждается въ воспитаніи. Но развѣ воспитаніе не человеческое дѣло, а слѣдовательно несовершенное? Не нуждается-ли само воспитаніе въ воспитаніи?

Если, далѣе, все человеческое по существу своему несовершенно, то развѣ мы должны все перемѣшать въ кучу, все ставить одинаково высоко, добро и зло, истину и ложь? Если быть истинно послѣдовательнымъ, то, подобно тому, какъ, разсматривая картину, я оставляю тотъ уголъ зрѣнія, съ котораго картина представляется мнѣ лишь въ видѣ красочныхъ пятенъ, а не въ видѣ рисунка, изображеннаго красками, съ котораго картина представляется мнѣ въ видѣ разрозненныхъ линий, а не цѣльнаго рисунка, я долженъ оставить ту точку зрѣнія, съ которой міръ и человеческія отношенія представляются только во вѣншемъ свѣтѣ; я долженъ признать эту точку зрѣнія негодной для оцѣнки вещей, ибо какъ можетъ служить для сужденія, для различенія такая точка зрѣнія, которая для цѣлой вселенной устанавливаетъ только ту плоскую мысль, что все въ мірѣ по существу своему несовершенно? Сама точка зрѣнія есть нѣчто самое несовершенное изъ всѣхъ несовершенствъ, которыя только существуютъ вокругъ нея. Мы должны поэтому полагать мѣру существа внутренней идеи въ существованіи вещи и тѣмъ менѣе мы должны давать себя вводить въ заблужденіе ссылками на односторонній и тривіальный опытъ, что подобный опытъ вообще влечетъ за собою упраздненіе всякаго истиннаго опыта,

всякаго независимаго сужденія, устанавливаетъ пошлыя истины, въ родѣ того, что все коровы черны. Если исходить изъ точки зрѣнія этой идеи, то само собой понятно, что свобода печати имѣетъ совсѣмъ другое оправданіе, чѣмъ цензура, такъ какъ свобода печати сама является выраженіемъ идей, проявленіемъ свободы, словомъ, вполне положительнымъ благомъ въ то время, какъ цензура, являясь олицетвореніемъ рабства, полемикой формальнаго міровоззрѣнія противъ міровоззрѣнія реальнаго, носить отрицательный характеръ.

Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ! Прерываетъ насъ ораторъ. Я порицаю не форму, а существо. Свобода—вотъ что нечестиво въ свободѣ печати. Свобода даетъ возможность проявляться злу. Поэтому свобода—зло.

Злая свобода!

Er hat sie erstochen im dunklen Hain,
Und den Leib versenket in tiefen Rhein!
(Въ темной дубравѣ ее закололъ онъ,
И въ Рейнѣ глубоко въ схоронилъ!)
Diesmal muss ich zu dir reden,
Herr und Meister, hör mich ruhig!
(На этотъ разъ я долженъ говорить съ тобой,
Учитель, господинъ мой! Выслушай меня спокойно!)

Развѣ въ странѣ цензуры не существуетъ свободы печати? Печать вообще есть осуществленіе человѣческой свободы. Поэтому, тамъ, гдѣ существуетъ печать, тамъ существуетъ и свобода печати.

Хотя въ странѣ цензуры государство и не имѣетъ свободы печати, но одинъ членъ государства пользуется ею, а именно—правительство. Не говоря уже о томъ, что официальные правительственные акты пользуются полной свободой печати, развѣ цензоръ не осуществляетъ ежедневно неограниченной свободы печати, если не прямо, то косвенно? Писатели состоятъ при немъ въ качествѣ секретарей. Тамъ, гдѣ секретарь не выразилъ мнѣнія своего принципала, тамъ послѣдній зачеркиваетъ работу. Цензура создаетъ такимъ образомъ прессу.

Красныя чернила цензора для печати—то же, что прямыя линіи—куасъ—у китайцевъ для мысли. Это цензорское „ку-

асъ“ является категоріей литературы, а какъ извѣстно, категоріи являются типичными душами содержанія.

Свобода настолько присуща человѣку, что даже ея противники осуществляютъ ее, оспаривая ея существо; они хотятъ себѣ присвоить, какъ драгоценнѣйшее украшеніе, то, чего они не признаютъ украшеніемъ человѣческой природы.

Ни одинъ человѣкъ не борется противъ свободы вообще, въ худшемъ случаѣ, онъ борется только противъ свободы другихъ. Поэтому каждый видъ свободы существовалъ всегда, но въ одномъ случаѣ онъ существовалъ какъ исключительная привилегія, а въ другомъ, какъ общее право.

Вопросъ только теперь получилъ логическій смыслъ. Рѣчь идетъ не о томъ, должна-ли существовать свобода печати, ибо она всегда существуетъ, а только о томъ, является-ли свобода печати привилегіей отдѣльныхъ лицъ, или она есть привилегія человѣческаго духа? Вопросъ въ томъ, должно-ли для одной стороны почитаться несправедливымъ то, что для другой справедливо? Вопросъ въ томъ, имѣетъ-ли „свобода духа“ больше права, нежели „свободы противъ духа“?

Но если „свободная печать“ и „свобода печати“ какъ осуществленіе „всеобщей свободы“ являются предметомъ порицанія, то въ такомъ случаѣ цензура и подцензурная печать еще болѣе достойны порицанія, какъ осуществленіе исключительной свободы, ибо какимъ образомъ можетъ быть хорошо видъ, когда весь *родъ* не годится? Если-бы ораторъ былъ послѣдователенъ, то онъ долженъ былъ бы порицать не свободную печать, но печать вообще. По его мнѣнію она стала бы хорошей, если-бы не была продуктомъ свободы, вѣрнѣе говоря, если-бы она вовсе не была продуктомъ человѣческаго творчества. Поэтому для пользованія печатью были-бы предназначены или звѣри, или боги.

Или мы должны—ораторъ не осмѣлился высказать это—предположить, какъ у правительства, такъ и у него самаго наличность *божественнаго* вдохновенья?

Когда частное лицо хвастаетъ божественнымъ вдохновеньемъ, то въ нашемъ обществѣ есть только одинъ человѣкъ, который по обязанности своей службы долженъ ему возражать, это—психіатръ.

Въ свою очередь англійская исторія весьма убѣдительно доказала, какъ утверженіе о божественномъ вдохновеніи сверху вызываетъ противоположное утверженіе о божественномъ вдохновеніи снизу, и Карль I взшелъ на эшафотъ вслѣдствіе божественнаго вдохновенія снизу.

Хотя нашъ ораторъ изъ рыцарскаго сословія склоняется, какъ мы услышимъ позже, къ тому, что цензура и свобода печати, подцензурная и свободная печать—обѣ никуда не годятся, всетаки онъ не доходитъ до того, чтобы считать печать вообще негодной.

Напротивъ! Онъ всю печать дѣлитъ на „хорошую“ и „дурную“.

О дурной печати намъ рассказываютъ такую невѣроятную вещь, будто ея цѣлью является зло и возможно широкое распространеніе этого зла. Но ораторъ слишкомъ полагается на наше легковѣріе, если онъ надѣется, что мы на слово повѣримъ въ существованіе такой дурной профессіи. Мы напомнимъ емут олько ту аксіому, что все человѣческое—несовершенно. Не будетъ-ли, поэтому, дурная печать несовершенно дурной, т. е. хорошей, и, обратно, хорошая печать несовершенно хорошей, слѣдовательно дурной?

Но ораторъ указываетъ намъ оборотную сторону (медали). Онъ утверждаетъ, что дурная печать лучше хорошей потому, что она постоянно находится въ наступательномъ положеніи, хорошая же—въ оборонительномъ. Но онъ, вѣдь, самъ сказалъ намъ, что развитіе человѣка прекращается только съ его смертію. Конечно, онъ этимъ сказалъ немного, онъ не сказалъ этимъ ничего другого, кромѣ того, что жизнь кончается со смертію. Все таки, если человѣческая жизнь есть развитіе, а хорошая печать всегда находится въ оборонительномъ положеніи, дѣйствуетъ только „предостерегающимъ, удерживающимъ, подкрѣпляющимъ“ образомъ, то развѣ она этимъ не препятствуетъ постоянно развитію, т. е. жизни? Поэтому, или хорошая „оборонительная“ печать дурна, или развитіе есть зло, почему и прежнее утверженіе оратора, что цѣлью „дурной“ печати является возможно широкое распространеніе дурныхъ нравовъ и дурнаго образа мыслей“, теряетъ свою мистическую невѣроятность въ этомъ рациональномъ толкованіи:

возможно широкое распространение дурных нравовъ и дурного образа мыслей составляет зло дурной печати.

Соотношение между хорошей и дурной печатью становится еще болѣе удивительнымъ, когда ораторъ увѣряетъ насъ, что хорошая печать бессильна, а дурная всеильна, ибо первая остается безъ всякаго вліянія на народъ, а вліяніе послѣдней неотразимо. Хорошая печать и бессильная печать—это для оратора одно и тоже. Хочетъ ли онъ этимъ сказать, что добро бессильно или что безсиліе есть добро?

Онъ противопоставляетъ заманчивой пѣснѣ дурной печати трезвый голосъ хорошей. Конечно, трезвымъ голосомъ можно пѣть самымъ лучшимъ и самымъ дѣйствительнымъ образомъ. Ораторъ, повидимому, хорошо знакомъ только съ чувственнымъ жаромъ страсти, а не съ горячею страстью истины, не съ побѣдоноснымъ энтузіазмомъ разума, не съ непреодолимымъ паѳосомъ нравственной мощи.

Подъ нравами дурной печати онъ подразумѣваетъ „гордость, которая не признаетъ никакого авторитета за церковь и государствомъ“, „зависимость“, которая проповѣдуетъ уничтоженіе аристократіи и еще нѣчто, о чемъ мы будемъ говорить позже. На одинъ моментъ мы позволимъ себѣ остановиться на вопросѣ, какимъ образомъ ораторъ признаетъ добромъ (какую-либо) отдѣльную вещь? Если общія силы жизни дурны, а мы слышали, что зло всеильно, что оно вліяетъ на массы, то кто и что имѣетъ право считаться хорошимъ? Это то самое надменное утвержденіе, которая провозглашаетъ: моя личность хороша, нѣсколько существъ, которое признаютъ мою личность, хороши, а злая, дурная печать не хочетъ этого признавать. Дурная печать!

Если въ началѣ ораторъ превратилъ свои нападки на свободу печати въ нападки на свободу вообще, то теперь онъ ихъ обратилъ въ нападки на добро. Его боязнь передъ зломъ преобразилась въ боязнь передъ добромъ. Онъ обосновалъ цензуру на признаніи зла и ошибочной оцѣнкѣ добра, а развѣ я не призираю челоуѣка, если я говорю ему напередъ, что противникъ одолѣетъ его въ борьбѣ, что, хотя онъ весьма трезвый товарищъ и прекрасный сосѣдъ, но очень плохой герой, что, хотя оружіе его священно, но онъ не умѣетъ его носить,

Что хотя мы оба, я и онъ, вполне убѣждены въ его совершенствѣ, однако, свѣтъ никогда не раздѣлитъ съ нами этого убѣжденія, ибо онъ, хотя хорошаго мнѣнія о тебѣ, но весьма плохого мнѣнія о твоей энергіи?

Хотя тѣ различія, которыя ораторъ устанавливаетъ между хорошей и дурной печатью, дѣлаютъ совершенно излишнимъ всякій споръ, потому что онъ утопаютъ въ собственныхъ противорѣчійхъ, мы все-таки не можемъ оставить безъ вниманія того обстоятельства, что ораторъ поставилъ совершенно неправильно весь вопросъ, и въ основаніе своихъ разсужденій положилъ то, что ему еще надлежало доказать. Если хотятъ говорить о двухъ родахъ печати, то эти различія должны исходить изъ самаго существа печати, а не изъ соображеній лежащихъ внѣ ея. Одно изъ двухъ, подцензурная печать или свободная печать должна быть хорошей или дурной. Но вѣдь въ этомъ и заключается споръ, хороша ли или дурна подцензурная печать или свободная печать; т. е. что отвѣчаетъ существу печати, свободное ея существованіе или не свободное? Сопоставлять дурную печать со свободной печатью, это значитъ утверждать, что свободная печать дурна, а подцензурная — хороша, а это именно еще нужно доказать.

Низкій образъ мысли, личные нападки, клевета — все это одинаково свойственно и подцензурной и свободной печати. Такимъ образомъ это — не родовой ея признакъ, что она даетъ произведенія того или другого характера; и въ болотѣ растутъ цвѣты. Рѣчь идетъ о самомъ существѣ, о внутреннемъ характерѣ, который отличаетъ подцензурную печать отъ свободной.

Дурная свободная печать, не отвѣчаетъ характеру ея существа. Подцензурная печать со своимъ лицемѣріемъ, безличностью, своимъ языкомъ евнуховъ и собачьимъ виляньемъ осуществляетъ только внутреннія условія своей сущности.

Подцензурная печать остается дурной даже когда она даетъ хорошія произведенія, ибо эти произведенія лишь постольку хороши, поскольку они даютъ представленіе о свободной печати при печати подцензурной и поскольку они по характеру своему не похожи на произведенія подцензурной печати. Свободная печать остается хорошей даже тогда, когда

она дает дурныя произведенія, ибо эти произведенія являются лишь отступленіемъ отъ природы свободной печати. Скопецъ остается плохимъ мужчиной, даже когда у него хорошій голосъ. Природа остается хорошей, даже если она создаетъ урода.

Существо свободной печати заключается въ характерномъ, разумномъ, нравственномъ существѣ самой свободы. Характеръ подцензурной печати заключается въ полномъ безличіи и работѣни, это цивилизованное чудовище, это — раздушенный уродъ.

Нужны ли еще доказательства, что свобода печати отвѣчаетъ самому существу печати, а цензура — ему противорѣчить? Развѣ не ясно само собой, что внѣшнія ограниченія духовной жизни не составляютъ ея внутренняго содержанія, что они отрицаютъ эту жизнь, а не поддерживаютъ ее? Чтобы дѣйствительно оправдать существованіе цензуры, оратору слѣдовало бы доказать, что цензура относится къ самому существу свободы печати; вмѣсто этого, онъ доказываетъ, что свобода не относится къ существу человѣка. Онъ хулитъ весь родъ, чтобы сохранить одинъ хорошій видъ, ибо свобода есть, конечно, родовой признакъ всей духовной жизни, а слѣдовательно и прессы. Чтобы уничтожить возможность зла, онъ уничтожаетъ также возможность добра, и осуществляетъ такимъ образомъ зло, потому что человѣчески хорошимъ можетъ быть только то, что является осуществленіемъ свободы.

Поэтому мы до тѣхъ поръ будемъ считать подцензурную печать дурной, пока намъ не докажутъ, что цензура вытекаетъ изъ самаго существа свободы печати.

Но если даже согласиться, что цензура родилась вмѣстѣ съ печатью, хотя ни одинъ звѣрь, тѣмъ болѣе духовное существо, не рождается на свѣтъ Божій въ цѣпяхъ, то что же отсюда слѣдуетъ? А то что и та свобода печати, которой пользуется официальная сторона, т. е. цензура также нуждается въ цензурѣ. А кто же долженъ цензурировать правительственную печать, какъ не народная пресса?

Другой ораторъ думаетъ, будто вредъ цензуры уничтожается тѣмъ, что она устроена, что цензура подчинена провинціальной цензурѣ, а провинціальная — берлинской, и что сво-

бода печати была-бы односторонней, а цензура многосторонняя. Приходится столько извиваться, чтобы жить! А кому цензурировать берлинскую цензуру? И мы опять обращаемся къ нашему оратору.

Въ самомъ началѣ своей рѣчи онъ поучалъ насъ, что изъ борьбы между хорошей и дурной печатью не можетъ родиться свѣтъ, но можемъ-ли мы теперь спросить его, не хочеть-ли онъ эту бесполезную борьбу сдѣлать вѣчной? И развѣ по его же собственной теоріи, борьба между цензурой и печатью не является борьбою между хорошей и дурной печатью?

Цензура не прекращаетъ этой борьбы—она дѣлаетъ ее односторонней, она обращаетъ открытую борьбу въ скрытую, она обращаетъ борьбу принциповъ въ борьбу между бессильнымъ принципомъ и безпринципнымъ насиліемъ. Истинная, лежащая въ самомъ существѣ свободы печати, цензура есть критика; это тотъ судъ, который она сама надъ собою творить. Цензура есть критика, составляющая монополию правительства; но развѣ критика не теряетъ своего разумнаго смысла, когда она—не открытая, а тайная, когда она не теоретическая, а практическая, когда она стоитъ не надъ партіями, а сама представляетъ партію, когда она дѣйствуетъ не острымъ ножомъ разума, а тупыми ножницами произвола, когда она хочеть только воспользоваться критикой, какъ орудіемъ, но сама ея не выносить, когда она отдаваясь, отрекается отъ самой себя, когда она настолько не критична, что вмѣсто общаго разума подставляетъ отдѣльную личность, вмѣсто разума употребляетъ силу, вмѣсто солнечныхъ пятенъ—чернильные пятна, вмѣсто математическихъ построений—кривыя линіи цензора, и вмѣсто рѣшительныхъ аргументовъ—рѣшительные удары?

носитеlem. мдуенн в денноотонно мд-вдн итврен влод
унон А. мдуж мдотр мдн* мн онного мднотонн П вн
момвншнрде агно им Н мдужен онденнмдн мдво-мдуенн П

Выше мы показали, какъ фантастическая, полная умиленія и мягкосердія мистика оратора превращалась въ жестокосердіе плутоватаго практическаго разума и въ ограниченность безъидейнаго эмпирическаго разсчета. Своими разсужденіями объ отношеніи между закономъ о цензурѣ и закономъ о печати, между предупредительными и репрессивными мѣрами, онъ избавляетъ насъ отъ необходимости продѣлать этотъ трудъ, такъ какъ онъ самъ приходитъ къ извѣстнымъ способамъ практическаго примѣненія своей мистики.

Предупредительныя или репрессивныя мѣры, цензура или законы о печати, вотъ о чемъ только идетъ рѣчь, при чемъ, однако, небезполезно было-бы поближе разсмотрѣть тѣ опасности, которыя слѣдовало-бы устранить съ той или другой стороны. Въ то время, какъ цензура стремилась бы предотвратить зло, законъ о печати, посредствомъ наказанія, предохранялъ-бы только отъ повторенія его. Какъ и всякое человѣческое учрежденіе, объ эти мѣры были-бы несовершенны; которая изъ нихъ менѣе совершенна, вотъ въ чемъ вопросъ. Такъ какъ рѣчь идетъ о чистомъ духовномъ факторѣ, то одна задача, и при томъ самая важная, никогда не могла-бы быть разрѣшена, ни для той, ни для другой стороны. Задача эта заключалась-бы въ томъ, чтобы найти такую форму, въ которой намѣренія законодателя были бы выражены настолько ясно и опредѣленно, чтобы право и преступленіе были рѣзко разграничены и былъ бы устраненъ всякій произволъ. Но что такое произволъ, какъ не образъ дѣйствій, согласно собственному взгляду? И какъ можно устранить вліяніе личныхъ взглядовъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о чисто умственной жизни? Найти рѣзко проведенную черту, которая съ твердой необходимостью указывала-бы, какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должна быть примѣнена воля законодателя, это значитъ найти тотъ философскій камень, который до сихъ поръ не былъ найденъ и который такъ трудно найти, а потому произволъ, если подъ этимъ понимать образъ дѣйствій по собственному взгляду, неразрывно связанъ

какъ съ цензурой, такъ и съ закономъ о печати. Поэтому же намъ приходится считаться съ неизбѣжнымъ несовершенствомъ обоихъ и съ вытекающими изъ этого несовершенства послѣдствіями. Въ то время, какъ цензура будетъ подавлять много хорошаго, законъ о печати не будетъ въ состояніи предотвратить большаго зла. Все-таки правду нельзя задавить надолго. Чѣмъ больше препятствій она встрѣчаетъ на своемъ пути, тѣмъ мужественнѣе она преслѣдуетъ свою цѣль, тѣмъ болѣе просвѣтленной она достигаетъ ея. Но дурное слово подобно греческому огню, неудержимое, какъ только оно было произнесено, неисчислимо въ своихъ дѣйствіяхъ, потому что для него нѣтъ ничего святаго: неугасимое, потому что оно находитъ постоянную пищу въ человѣческомъ сердцѣ“.

Ораторъ несчастенъ въ своихъ сравненіяхъ. Поэтический экстазъ охватываетъ его, когда онъ изображаетъ все могущество зла. Мы уже разъ слышали, какъ рядомъ съ заманчивой пѣсней зла безсильно звучалъ голосъ добра, потому что онъ трезвый. Теперь зло обратилось въ греческій огонь, а для правды ораторъ не нашелъ никакого сравненія, и если мы возьмемъ для сравненія его „трезвую“ рѣчь, то правда оказалась-бы въ лучшемъ случаѣ булыжникомъ, который даетъ тѣмъ болѣе яркія искры, чѣмъ сильнѣе его ударяють. Это хорошій доводъ для торговца невольниками, чтобы кнутомъ выбить у негра всякое человѣческое чувство, превосходная максима для законодателя — принимать репрессивныя мѣры противъ правды для того, чтобы она тѣмъ мужественнѣе преслѣдовала свою цѣль. Ораторъ, повидимому, только тогда и проникается уваженіемъ къ правдѣ, когда она выпрямляется въ свой естественный ростъ и демонстрируетъ себя отрицательнымъ образомъ. Чѣмъ больше преградъ вы ставите правдѣ, тѣмъ болѣе крѣпкую правду вы получаете! Всегда преграды!

Пусть сирены поютъ свои заманчивыя пѣсни!
 Мистическая „теорія несовершенства“ принесла, наконецъ, нашему оратору свои земные плоды: она ударила своими лунными камнями по нашимъ головамъ; разсмотримъ же эти лунные камни!

— Все на свѣтѣ несовершенно. Цензура несовершенна, за-

коны о печати несовершенны. Ихъ сущность этимъ уже распознана, о правотѣ ихъ идеи сказать больше нечего, намъ не остается ничего другого, какъ только съ точки зрѣнія низменной эмпириі установить на основаніи разчета по теоріи вѣроятности, на какой сторонѣ больше опасностей. Это чисто временное различіе, — предотвратить ли самое зло при помощи цензуры или повтореніе зла при помощи законовъ о печати.

Теперь видно, какъ ораторъ своей пустой фразой „о человѣческомъ несовершенствѣ“ обошелъ существенное, внутреннее, характерное различіе между цензурой и закономъ о печати и отъ принципиальнаго спора перешелъ къ вульгарному вопросу о томъ, у кого будетъ болѣе голубой носъ, у цензуры или у законовъ о печати.

Но когда противопоставляютъ законъ о печати закону о цензурѣ, то вопросъ идетъ не объ ихъ послѣдствіяхъ, а объ ихъ основаніи, не объ ихъ индивидуальномъ примѣненіи, но объ ихъ общей правильности. Уже Монтескье училъ, что на практикѣ деспотія удобнѣе, чѣмъ законность, а Макіавели утверждаетъ, что для князей зло имѣетъ лучшія послѣдствія, чѣмъ добро. Если мы этимъ не хотимъ оправдать стараго іезуитскаго правила, что хорошая цѣль, — мы даже сомнѣваемся въ томъ, что цѣль хороша, — освящаетъ дурныя средства, то мы должны прежде всего изслѣдовать, является ли цензура по существу своему хорошимъ средствомъ.

Ораторъ правъ, когда называетъ законъ о цензурѣ предупредительной мѣрой, она является предостерегающимъ средствомъ для полиціи противъ свободы, но онъ неправъ, когда называетъ законъ о печати репрессивнымъ законоположеніемъ. Это есть законъ самой свободы, которая сама устанавливаетъ мѣру ея ограниченія. Цензурное мѣропріятіе не есть законъ. Законъ о печати не есть мѣропріятіе. При помощи закона о печати карается свобода. Закономъ о цензурѣ карается сама свобода. Законъ о цензурѣ есть законъ, заподозрившій самую свободу. Законъ о печати есть голосъ довѣрія, который свобода за себя подаетъ. Законъ о печати караетъ злоупотребленіе свободой. Законъ о цензурѣ караетъ свободу, какъ злоупотребленіе. Цензура обращается со свободой, какъ съ преступницей, или развѣ во всѣхъ кругахъ не считается почетнымъ наказаніемъ —

состоять подъ полицейскимъ надзоромъ? Законъ о цензурѣ носить только форму закона. Законъ о печати есть дѣйствительно законъ.

Законъ о печати есть дѣйствительно законъ потому, что онъ представляетъ собой положительное существо свободы. Онъ разсматриваетъ свободу, какъ нормальное состояніе печати, печать какъ извѣстное проявленіе свободы, и вступаетъ въ конфликтъ съ проступкамъ печати только, какъ съ исключеніемъ, которое, нарушивъ собственный законъ, тѣмъ самымъ себя упразднило. Свобода печати проявляется какъ законъ о печати противъ покушеній на нее самое, т. е. противъ проступковъ, совершенныхъ посредствомъ печати. Законъ о печати разъясняетъ преступнику свободу. Поэтому то, что преступникъ совершилъ противъ свободы, онъ совершилъ противъ самого себя, и учиненное имъ себѣ самому правонарушеніе влечетъ за собою наказаніе, которое указываетъ ему, что за нимъ, какъ и за всѣми, признается свобода.

Такъ какъ законъ о печати далекъ отъ того, чтобы быть репрессивной мѣрой противъ свободы печати, простымъ средствомъ предупредить угрозой наказанія повтореніе проступка, то отсутствіе законодательства о печати должно быть разсматриваемо какъ исключеніе свободы печати изъ сферы правовой свободы, потому что юридическое признаніе свободы существуетъ въ государствѣ, какъ законъ. Законы сами по себѣ ни коимъ образомъ не являются репрессивными мѣрами противъ свободы, точно также, какъ законъ тяжести не есть репрессивная мѣра противъ движенія, ибо хотя онъ, какъ законъ всемірнаго тяготѣнія, управляетъ вѣчными движеніями міровыхъ тѣлъ, но какъ законъ паденія онъ убиваетъ меня, если я его нарушаю и желаю танцовать въ воздухѣ. Законы — это скорѣе всего тѣ положительныя, свѣтлыя, всеобщія нормы, въ которыхъ свобода получила свое отвлеченное, теоретическое, независимое отъ произвола отдѣльнаго человѣка существованіе. Сводъ законовъ составляетъ библію вольностей свободнаго народа.

Законъ о печати есть, такимъ образомъ, законное признаніе свободы печати. Это есть право, потому что оно составляетъ положительное содержаніе свободы. Поэтому законъ о

печати долженъ существовать, даже если-бы онъ никогда не примѣнялся, какъ въ вѣрной Америкѣ, въ то время, какъ цензура, такъ же мало, какъ и рабство, можетъ когда-либо стать правовымъ явленіемъ, даже если она тысячу разъ будетъ существовать, какъ законъ.

Не существуетъ никакихъ дѣйствительныхъ предупредительныхъ законовъ. Законъ предупреждаетъ только, какъ заповѣдь. Дѣйствующимъ законъ дѣлается лишь тогда, когда его преступили, ибо истиннымъ законъ бываетъ только тогда, когда въ немъ безсознательный естественный законъ свободы сдѣлался опредѣленнымъ государственнымъ закономъ. Тамъ, гдѣ законы являются дѣйствительнымъ закономъ, т. е. осуществленіемъ свободы, тамъ онъ обозначаетъ свободное существованіе человѣка. Законы, такимъ образомъ, не могутъ предупреждать дѣйствій человѣка, потому что они суть внутренніе жизненные законы самихъ его дѣйствій, сознательное отраженіе его собственной жизни. Законъ отступаетъ передъ жизнью человѣка, какъ передъ жизнью свободы, и только, когда дѣйствительное поведеніе человѣка показало, что онъ пересталъ подчиняться естественному закону свободы, законъ, какъ государственная норма принуждаетъ его быть свободнымъ, подобно тому, какъ физическіе законы только тогда выступаютъ противъ меня, какъ нѣчто чуждое, когда моя жизнь перестала подчиняться велѣніямъ жизненныхъ законовъ,—когда я заболѣлъ. „Предупредительный законъ“ есть такимъ образомъ бессмысленное противорѣчіе.

Предупредительный законъ, поэтому, не имѣетъ никакой мѣры въ себѣ, никакого разумнаго основанія, такъ какъ разумное правило вытекаетъ только изъ природы самой вещи, въ данномъ случаѣ, свободы. Онъ потому не имѣетъ мѣры въ себѣ, что если задаться цѣлью предупреждать свободу, то это предупрежденіе должно быть такого же объема, какъ и его противоположность, т. е. оно должно быть неограниченно. Поэтому предупредительный законъ есть такое же противорѣчіе, какъ „неограниченное ограниченіе“, если же онъ иногда прекращаетъ свое дѣйствіе, то не въ силу необходимости, а по произволу, какъ это ежедневно съ очевидностью демонстрируетъ цензура.

Человѣческое тѣло по природѣ своей смертно. Поэтому болѣзни не могутъ не являться. Почему же къ человѣку зовутъ врача только тогда, когда онъ заболѣваетъ, а не тогда, когда онъ здоровъ? а потому, что не только болѣзнь, но и врачъ неприятны. Подъ опекой врача жизнь дѣлается противной, и человѣческое тѣло становится объектомъ воздѣйствія медицинской коллегіи. Развѣ не болѣе желательна смерть, чѣмъ жизнь, какъ сплошное предупредительное средство противъ смерти? Развѣ свободное движеніе не составляетъ также одной изъ формъ жизни? Что такое всякая болѣзнь, какъ не подавленная въ своей свободѣ жизнь? Находятся подъ вѣчной опекой врача—это такая жизнь, отъ которой никогда не намѣрены умирать, но намѣрены жить. Пусть жизнь умираетъ; смерть не должна жить. Развѣ душа не имѣетъ больше правъ, чѣмъ тѣло? Конечно, часто это толковали такимъ образомъ, что свободному духу тѣлесныя движенія даже вредны, и поэтому послѣднія должны быть устранены. Цензура исходитъ изъ того, что считаетъ болѣзнь нормальнымъ состояніемъ, или нормальное состояніе, свободу, за болѣзнь. Она постоянно увѣряетъ печать въ ея болѣзнь, и пусть печать даетъ самыя лучшія доказательства своего здороваго жизненнаго сложенія, она все-таки должна находиться на попеченіи врача.

Но цензура никоимъ образомъ не ученый врачъ, который примѣняетъ различныя внутреннія средства сообразно болѣзни. Цензура—это деревенскій хирургъ, который знаетъ универсальное механическое средство отъ всего, ножницы. Цензура это не хирургъ, цѣлью котораго является мое здоровое состояніе, но эстетъ въ хирургіи, который въ моемъ тѣлѣ считаетъ лишнимъ все то, что ему не нравится и отрѣзаетъ то, что ему неприятно; это шарлатанъ, который загоняетъ сыпь внутрь, чтобы ее не видно было, не заботясь о томъ, что она поразитъ болѣе тонкія внутреннія ткани.

Вы считаете несправедливымъ ловить птицъ. Развѣ рѣшетка не есть предупредительное средство отъ хищныхъ птицъ, отъ пуль и буръ? Вы считаете варварствомъ ослѣплять соловьевъ, и вы не видите никакого варварства въ томъ, чтобы втыкать острыя перья цензуры въ глаза печати? Вы счи-

таете деспотизмомъ остричь свободному человѣку волосы противъ его желанія, а цензура ежедневно вырѣзаетъ у писателей лучшую часть ихъ души и оставляетъ не тронутыми только безсердечныя тѣла, тѣла ни на что не реагирующія, выдавая ихъ за здоровыя.

Мы показали, на сколько законъ о печати справедливъ, а законъ о цензурѣ—несправедливъ. Но сама цензура признаетъ, что она не является самоцѣлью, что она добро не *an und für sich* (сама по себѣ), что она не покоится на правахъ: цѣль освящаетъ средства. Но цѣль, которая нуждается въ дурныхъ средствахъ, не есть священная цѣль; наконецъ, развѣ печать также не можетъ усвоить себѣ этого правила и хвалиться: цѣль оправдываетъ средства.

Законъ о цензурѣ не есть такимъ образомъ законъ, а полицейская мѣра, и притомъ дурная полицейская мѣра, потому что не достигаетъ того, чего желаетъ, и не желаетъ того, чего достигаетъ.

Если законъ о цензурѣ хочетъ предупредить свободу, какъ злоупотребленіе, то послѣдствія цензуры получаются какъ разъ обратныя. Въ странѣ цензуры каждое запрещенное, т. е. напечатанное безъ дозволенія цензуры произведеніе, есть цѣлое событіе. Оно носитъ на себѣ вѣнецъ мученичества, а нѣтъ мученика безъ святого сіянія и безъ вѣрующихъ. Оно цѣнится, какъ исключеніе, и такъ какъ свобода никогда не перестанетъ быть цѣнной для человѣка, то тѣмъ болѣе оно цѣнится, какъ исключеніе изъ всеобщаго рабства. Всякая тайна привлекательна. Тамъ, гдѣ общественное мнѣніе является тайной для себя самого, оно всегда готово увлечься произведеніемъ, которое формально ломаетъ таинственныя перегородки, установленныя цензурой. Цензура дѣлаетъ всякое запрещенное произведеніе, безразлично, хорошее ли оно или дурное, необыкновеннымъ произведеніемъ, въ то время какъ свободная печать беретъ отъ cadaго произведенія только существенно важное.

Если же у цензуры честныя намѣренія, то она, стремясь предотвратить произволь, превращаетъ тотъ же произволь въ законъ. Она не въ состояніи предотвратить ни одной опасности, которая была-бы больше, чѣмъ она сама. Каждому

существо грозит смертельная опасность, когда оно теряется. Поэтому рабство есть настоящая смертельная опасность для чело­вѣка. Оставляя на время нравственныя послѣдствія свободной печати, помните, что вы не можете использовать ея преимуществъ, не примиряясь въ то же время съ ея неудобствами. Вы не можете сорвать розу безъ шиповъ! А что вы теряете при свободѣ печати?

Свободная печать есть вездѣсушій открытый глазъ народнаго духа, воплощенное довѣріе народа къ самому себѣ, та создаваемая чело­вѣческимъ словомъ связь, которая соединяетъ отдѣльнаго чело­вѣка съ государствомъ и со всѣмъ міромъ, та воплощенная культура, которая возводитъ матеріальную борьбу въ борьбу духовную и идеализируетъ ея грубый плотскій обликъ. Это—безпощадное покаяніе народа предъ самимъ собой, а, какъ извѣстно, исповѣдь, облегчаетъ душу. Это духовное зеркало, въ которомъ народъ видитъ самого себя, а самосозерцаніе есть первое условіе мудрости. Это духъ государства, который можно распростра­нять въ любой избушкѣ гораздо дешевле, чѣмъ матеріальный газъ. Она всесторонняя, вездѣсуца и всезнающа. Она представляетъ собою тотъ идеальный міръ, который непрерывно бьетъ ключомъ изъ міра дѣйствительнаго, и, вдохновляясь имъ все болѣе и болѣе, обогащаясь духовно, возвращается обратно въ тотъ же міръ дѣйствительности.

Предшествующее изложеніе показало, что цензура и законъ о печати различаются между собой, какъ произволь и свобода, какъ формальный законъ и дѣйствительный законъ. Но что вѣрно для самага существа, остается также вѣрнымъ по отношенію къ его проявленіямъ. Что вѣрно относительно степени справедливости того и другого закона, то вѣрно также о способахъ и характерѣ примѣненія того и другого закона. Какъ различаются между собой законъ о цензурѣ и законъ о печати, такъ же различны отношенія судьи и цензора къ печати.

Конечно, нашъ ораторъ, у котораго глаза обращены въ небо, видитъ землю такъ далеко подъ собой, что она представляется ему какимъ-то холмомъ пыли: понятно, что онъ ничего не можетъ сказать о цвѣтахъ, растущихъ на землѣ, кромѣ того,

что они покрыты пылью. Точно также и здѣсь онъ видитъ только двѣ мѣры, которыя въ своемъ примѣненіи обѣ произвольны, потому что произволь есть образъ дѣйствій сообразно личнымъ взглядамъ, личные же взгляды неразрывно связаны съ духовной областью и т. д., и т. д. Но если пониманіе духовной области индивидуально, то какое же преимущественное право имѣеть одинъ взглядъ передъ другимъ, мнѣніе цензора передъ мнѣніемъ писателя? Но мы понимаемъ оратора. Онъ дѣлаетъ достопамятный обходъ, изображая и цензуру, и законъ о печати несправедливыми въ ихъ практикѣ для того, чтобы оправдать цензуру, и такъ какъ онъ знаетъ, что все земное несовершенно, то для него остается только одинъ вопросъ, долженъ ли произволь быть на сторонѣ правительства или на сторонѣ народа.

Его мистика превращается въ своеволіе: законъ и произволь онъ ставитъ на одну ступень и видитъ лишь формальное различіе тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о нравственныхъ и правовыхъ противоположностяхъ, потому что онъ полемизируетъ не противъ закона о печати, а противъ закона вообще. Но развѣ существуетъ такой законъ, который заключалъ бы въ себѣ необходимость примѣнять его въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, сообразно мысли законодателя, и абсолютно исключалъ бы возможность произвола? Надо обладать невѣроятною храбростью, чтобы такую безсмысленную задачу называть философскимъ камнемъ, ибо только самое крайнее невѣжество можетъ поставить такой вопросъ. Законъ имѣеть всеобщую силу. Тотъ случай, который долженъ быть опредѣленъ согласно закону, есть частный случай. Подвести частичное подъ общее—въ этомъ и заключается сужденіе. Сужденіе это проблематично. Судья также подчиненъ закону. Еслибы законы примѣняли сами себя, то суды были бы излишни.

Но все человѣческое несовершенно! Поэтому *Edite, bibite!* (ѣшьте, пейте!). Зачѣмъ вамъ судьи, когда судьи — тѣ же люди? Зачѣмъ вамъ законы, когда законы могутъ быть выполнены только людьми, а всякое человѣческое дѣйствіе несовершенно? Предоставьте же себя доброй волѣ выше васъ поставленныхъ! Рейнское правосудіе такъ-же несовершенно, какъ и турецкое: поэтому: *edite, bibite!*

Какая разница между судьей и цензором! Цензоръ не знает никакого закона, кромѣ своего начальства. Судья не знает никакого начальства, кромѣ закона. Но на судьѣ лежитъ обязанность толковать законъ въ его примѣненіи къ данному случаю, какъ онъ его понимаетъ послѣ извѣстнаго изслѣдованія, на цензорѣ лежитъ обязанность понимать законъ такъ, какъ ему будетъ официально разъяснено примѣнительно къ данному случаю. Независимый судья не принадлежитъ ни мнѣ, ни правительству. Независимый цензоръ есть самъ по себѣ членъ правительства. У судьи въ крайнемъ случаѣ выступаетъ ненадежность его разума, у цензора—ненадежность его характера. Передъ судьей стоитъ опредѣленный проступокъ печати, передъ цензоромъ—оказывается въ отвѣтѣ самый духъ печати. Судья судитъ мой поступокъ согласно опредѣленному закону. Цензоръ же не только караетъ преступленія—онъ также ихъ создаетъ. Если я нахожусь передъ судомъ, то меня обвиняютъ въ томъ, что я нарушилъ извѣстный существующій законъ, а для того чтобъ нарушить законъ, таковой долженъ существовать. Тамъ, гдѣ не существуетъ закона о печати, тамъ нельзя переступить его. Цензура не обвиняетъ меня въ томъ, что я переступилъ существующій законъ. Онъ осуждаетъ мое мнѣніе за то, что оно несогласно съ мнѣніемъ цензора и его начальства. Мой открытый поступокъ, который я хочу отдать на судъ свѣта, государства и его законовъ, судится какой-то темной, отрицательной силой, которая не можетъ быть уложена въ законныя рамки, которая боится дневного свѣта, которая не связана никакими общими принципами. Законъ о цензурѣ—невозможенъ, потому что онъ караетъ не преступленія, а мнѣнія, потому что онъ не можетъ быть ничѣмъ другимъ, какъ тѣмъ же цензоромъ, потому что ни одно государство не имѣетъ мужества выразить въ общихъ правовыхъ нормахъ то, чего оно фактически можетъ добиться посредствомъ цензуры. Поэтому завѣдываніе цензурой представлено не судамъ, а полиціи.

Даже еслибъ цензура фактически была тѣмъ же, что и правосудіе, то это было бы прежде всего фактомъ, а не необходимостью. Къ свободѣ относится не только то, для чего я живу, но въ такой же степени и то, какъ я живу, не только то,

что я *осуществляю* свободу, но также и то, что я ее *осуществляю* свободно. Иначе, что же отличало бы строителя от бобра, какъ не то, что бобръ—строитель въ шкурѣ, а строитель—бобръ безъ шкуры?

Нашъ ораторъ еще разъ доходить до излишества, когда говоритъ о вліяніи свободы печати въ тѣхъ странахъ, гдѣ она существуетъ. Такъ какъ мы уже достаточно говорили на эту тему, то мы остановимся только на французской печати. Не говоря уже о томъ, что недостатки французской печати суть недостатки французскаго народа, мы не находимъ вреда тамъ, гдѣ его ищетъ ораторъ. Французская печать не *слишкомъ* свободна, она, напротивъ, недостаточно свободна. Хотя она не подчинена никакой духовной цензурѣ, но она подчинена матеріальной цензурѣ, крупнымъ денежнымъ залогамъ. Она потому дѣйствуетъ матеріалистически, что она, вмѣсто своей истинной сферы, втянута въ сферу крупныхъ торговыхъ спекуляцій. Къ тому же крупныя спекуляціи болѣе всего распространены въ крупныхъ городахъ. Поэтому французская печать сосредоточена въ небольшомъ числѣ мѣстъ, а если матеріальная сила, сосредоточенная въ немногихъ пунктахъ, дѣйствуетъ демонически, то почему же не дѣйствовать такимъ же образомъ духовной силѣ?

Но если вы всетаки хотите обсудить вопросъ о свободѣ печати не съ точки зрѣнія ея идейнаго содержанія, а на основаніи ея историческаго прошлаго, то почему же вы не взяли для примѣра ту печать, которая дѣйствительно имѣетъ серьезное, историческое прошлое. Естественныиспытатели стремятся при помощи экспериментовъ поставить явленіе природы въ его самыя чистыя условія. Вы не нуждаетесь въ экспериментахъ. Вы находите явленіе, именуемое свободною печатью, въ Сѣверной Америкѣ, въ наиболѣе чистыхъ, естественныхъ для него условіяхъ. Но если Сѣверная Америка имѣетъ великія историческія основанія для свободы печати, то тѣмъ болѣе ихъ имѣетъ Германія. Литература и ростъ духовнаго развитія народа представляютъ собой не только непосредственныя историческія основанія для печати, но и самую ея исторію. А какой еще другой народъ въ мірѣ можетъ похвастать такими непосредственными историческими основаніями для свободы печати, какъ нѣмецкой народъ?

Но, прерываетъ насъ снова ораторъ, горе нѣмецкѣй морали,

если нѣмецкая печать будетъ свободна, такъ какъ свобода печати порождаетъ „внутреннюю деморализацію, которая стремится подрвать вѣру въ высшее предназначеніе челоуѣка и вмѣстѣ съ ней основаніе истинной цивилизаціи“.

Деморализующимъ образомъ дѣйствуетъ подцензурная печать. Порокъ, возведенный въ степень, лицемѣріе неразрывно связано съ ней, и изъ этого ея основнаго порока вытекають всѣ ея другіе недостатки, въ которыхъ нѣтъ даже намека на добродѣтель, ея отвратительные, даже съ точки зрѣнія эстетики, пороки, вытекающіе изъ ея пассивности. Правительство, слышитъ только свой собственный голосъ, оно знаетъ, что слышитъ только свой собственный голосъ, и все-таки поощряетъ обманъ, будто оно слышитъ голосъ народа и требуетъ еще, чтобы народъ, поддерживалъ его въ этомъ обманѣ. Съ своей стороны народъ, благодаря этому частью утопаетъ въ политическихъ суевѣріяхъ, частью въ политическомъ невѣжествѣ или, совершенно устранимый отъ государственной жизни, превращается въ чернь.

Такъ какъ печать ежедневно восхваляетъ дѣйствія правительства, хотя самъ Богъ только на шестой день сказалъ о своихъ собственныхъ твореніяхъ: „И увидѣлъ онъ, что все было хорошо“, и такъ какъ одинъ день по необходимости противорѣчить другому, то печать постоянно лжетъ, и, вынужденная скрывать свою ложь—теряетъ такимъ образомъ всякій стыдъ.

Такъ какъ народъ принужденъ смотрѣть на свободныя произведенія, какъ на незаконныя, то онъ пріучается считать незаконное — свободнымъ, свободу — незаконной, а все законное — несвободнымъ. Такъ цензура умерщвляетъ духъ государства.

Но нашъ ораторъ боится свободы печати для „частныхъ лицъ“. Онъ забываетъ, что цензура есть постоянное локуненіе на права частныхъ лицъ и еще больше на ихъ идеи. Онъ впадаетъ въ паѳосъ, когда говоритъ объ опасности, угрожающей отдѣльнымъ личностямъ, а намъ воспрещается впадать въ паѳосъ, когда мы говоримъ объ общей опасности!

Мы подчеркнемъ самымъ рѣзкимъ образомъ разницу между нашими взглядами и взглядомъ оратора, если противопоста-

вимъ его опредѣленіямъ „дурного образа мыслей“ наше собственное.

Дурнымъ образомъ мыслей считается „гордыня, непризнающая никакого авторитета за церковь и государством“. И не должны ли мы въ свою очередь считать дурнымъ такой образъ мыслей, который не признаетъ авторитета разумнаго, закона? „Это—зависть проповѣдуетъ уничтоженіе всего то и что толпа называетъ аристократіей“, а мы говоримъ: Это — зависть, хочетъ уничтожить вѣчную аристократію человѣческой природы, свободу, аристократію, которой сама чернь не оспариваетъ. „Это—коварное злорадство издѣваться надъ человѣческой личностію, не считаясь съ тѣмъ, есть ли основаніе къ такому издѣвательству или нѣтъ, — и повелительно взывать къ общественному мнѣнію для того, чтобы ни одинъ скандалъ изъ частной жизни не остался бы скрытымъ“. Это коварное злорадство—вырывать изъ великой жизни народовъ сплетни, превратно понимать историческій разумъ, проповѣдывать публикѣ только скандальныя стороны исторіи и, вообще, не будучи способнымъ обсуждать предметъ по существу, цѣпляться только за отдѣльныя части явленія, за личности, и повелительно требовать тайны для того, чтобы всякое позорное пятно общественной жизни осталось скрытымъ. „Это только развращенное сердце и фантазія, находить удовольствіе въ щекочущихъ соблазнительныхъ образахъ“. Это — только развращенное сердце и воображеніе щекочутъ сами себя соблазнительными картинами всемогущества зла и безсилія добра; это — воображеніе, которое гордится своимъ грѣхомъ, это — нечистое сердце, которое прячетъ свое свѣтское высокомеріе въ мистическихъ образахъ. „Это — отчаяніе, что всякая надежда на спасеніе погибла, отчаяніе, которое стремится заглушить голосъ совѣсти отрицаніемъ Бога“. Это—отчаяніе, что всякая надежда на спасеніе погибла, отчаяніе, которое возводитъ слабость личную въ слабость всего человѣчества затѣмъ, чтобы свалить ее съ собственной совѣсти,—это отчаяніе, что нельзя спасти человѣчество, отчаяніе, которое запрещаетъ ему слѣдовать естественнымъ, врожденнымъ законамъ, и проповѣдуетъ несовершенство, какъ необходимость, это—лицемѣріе, которое прикрывается именемъ Бога, не вѣря въ его сущность,

во всемогущество добра, это—своекорыстiе, которому собственное спасенiе дороже спасенiя всѣхъ.

Эти люди вообще сомнѣваются въ челоѣчество, и канонизируютъ отдѣльныхъ людей. Они рисуютъ страшную картину челоѣческой природы, и въ тоже самое время требуютъ, чтобы мы пали ницъ передъ священнымъ изображенiемъ отдѣльныхъ привилегированныхъ особъ.

Мы знаемъ, что отдѣльный челоѣкъ слабъ, но мы знаемъ также, что всѣ вмѣстѣ—сильны.

Въ заключенiи ораторъ вспоминаетъ тѣ слова, которыя прозвучали съ вѣтвей древа познанiя о наслажденiяхъ, плоды котораго мы теперь, какъ и тогда, продаемъ: „Въ мучкахъ вы будете умирать, если вкусите отъ него, ваши глаза раскроются, вы будете, какъ боги, познающiе добро и зло“.

Хотя мы сомнѣваемся, что ораторъ вкусилъ отъ древа познанiя, и что мы (рейнскiе земскiе чины) тогда торговались съ дьяволомъ, о чемъ по крайней мѣрѣ книга Бытiя ничего не рассказываетъ, мы все-таки становимся на точку зрѣнiя оратора и напоминаемъ ему, что дьяволъ не обманулъ насъ тогда, потому что Богъ самъ сказалъ: „Адамъ сдѣлался подобенъ одному изъ насъ, познавъ добро и зло“.

Эпилогъ къ этой рѣчи мы, по всей справедливости, представляемъ сказать оратору собственными словами: „Писать и произносить рѣчи это—механическiй навыкъ“.

Такъ какъ нашъ читатель, вѣроятно, очень усталъ отъ этого „механическаго навыка“, то мы должны, для полноты картины, выслушавъ представителей княжескаго и рыцарскаго сословiй, заставить также высказаться *противъ* свободы печати городское сословiе.

Передъ нами оппозицiя буржуа, а не гражданъ.

Ораторъ изъ городского сословiя хочетъ связать свою рѣчь съ именемъ аббата Сиейса такимъ мѣщанскимъ замѣчанiемъ: „свобода печати хорошая вещь, пока не вмѣшиваются дурные люди“. „Противъ этого до сихъ поръ не найдено испытаннаго средства“, и т. д., и т. д.

Такая точка зрѣнiя, согласно которой свобода печати называется вещью, уже достойна похвалы за свою наивность.

Этого оратора можно упрекать въ чемъ угодно, только не въ недостатокъ трезвости или въ избытокъ воображенія.

Итакъ, свобода печати—хорошая вещь, даже нѣчто такое, что украшаетъ сладкій даръ жизни, пріятная славная вещь! Но есть также — дурные люди, у которыхъ языкъ предназначенъ для лжи, голова—для коварства, руки—для воровства, ноги—для дезертирства. Эта прекрасная вещь, которая имѣетъ дѣло со словами и мыслями, трактуетъ о рукахъ и ногахъ; хороший языкъ, пріятная мысль, ловкія руки, а въ особенности великолѣпныя ноги, еслибы только не было дурныхъ людей, которые ими злоупотребляютъ! Но еще не придумали никакого „средства“ противъ этой бѣды.

„Симпатіи къ конституціи и къ свободѣ печати должны по необходимости ослабѣть, когда видишь, какъ съ ними была связана смута въ той странѣ (т. е. Франціи) и безпокойная неувѣренность въ будущемъ“.

Когда впервые было сдѣлано всеѣмъ извѣстное открытіе, что земля вѣчно движется, то, вѣроятно, какой-нибудь мирный нѣмецъ схватился за свой ночной колпакъ и вздохнулъ о вѣчно измѣняемыхъ обстоятельствахъ, переживаемыхъ матерью-землей, и безпокойный страхъ за будущее вселялъ ему домъ, который каждое мгновеніе становился на голову.

Свобода печати такъ же мало повинна въ смутѣ, какъ подзорная труба астронома—въ неутомимомъ движеніи міровой системы.

Злая астрономія! Что это было за прекрасное время, когда земля, какъ порядочный, честный буржуа, сидѣла еще по срединѣ міра, курила мирно свою земную трубку и никогда не должна была зажигать для себя самой своего огня, такъ какъ солнце, луна и звѣзды, какъ лампадки и „хорошія вещи“, благоговѣнно танцовали вокругъ нея.

„Wer nie, was er gebaut, zerstört, der steht stät
Auf dieser ird'schen Welt, die selbst nicht stät steht“.

(Кто никогда не разрушаетъ того, что строилъ онъ, тотъ
На землѣ всегда стоитъ, хотя сама земля и не всегда стоитъ),

сказалъ Гарири, который былъ вовсе арабомъ, а не кореннымъ французомъ.

Совершенно опредѣленно выясняется положеніе оратора

въ слѣдующемъ мѣстѣ его рѣчи: „Истинный, честный патриотъ не въ силахъ подавить въ себѣ того чувства, что конституція и свобода печати нужны не для блага народа, но для удовлетворенія честолюбія отдѣльныхъ лицъ и для господства партій“.

Извѣстно, что есть психологія, которая объясняетъ великое малыми причинами и, исходя изъ вѣрнаго предчувствія, что все, за что человѣкъ берется, есть дѣло его интереса, приходитъ къ невѣрному заключенію, будто существуютъ только маленькіе интересы, только стереотипные интересы своекорыстія. Далѣе извѣстно, что этотъ родъ психологіи и науки о человѣкѣ преимущественно обрѣтается въ городахъ, гдѣ говорятъ, что у тебя ума—палата, если ты оглядываешь весь міръ и за тучами идей и фактовъ видишь только маленькихъ, завистливыхъ, полныхъ интригъ маріонетокъ, которыя при помощи нитокъ тянуть за собою все. Точно также извѣстно, что если слишкомъ близко вглядываешься въ стекло, то ударяешь свою собственную голову, и такимъ образомъ оказывается, что у этихъ умныхъ людей наука о человѣкѣ и о вселенной является мистификаторскимъ ударомъ по собственной головѣ.

Половинчатость и неопредѣленность также характеризуютъ то положеніе, которое занялъ нашъ ораторъ. „Его чувство независимости говоритъ за свободу печати (т. е. въ смыслѣ того предложенія, которое было внесено въ ландтагъ), но онъ долженъ подчиниться голосу разума и опыта“.

Если-бы ораторъ въ заключеніе сказалъ, что хотя его разумъ высказывается за свободу печати но чувство зависимости—противъ нея, то тогда его рѣчь была-бы совершенно жанровой картинкой реакціонности городского сословія.

Wer eine zung hat und spricht nicht,
Wer eine Kling hat und ficht nicht,
Was ist der wohl, wenn ein Wicht nicht?
(Кто владѣетъ языкомъ и не говоритъ,
Кто владѣетъ мечемъ и не сражается,
Про того всякій скажетъ, что онъ негодяй).

011935320
2022010133

Теперь перейдем къ защитникамъ свободы печати и на-
чнемъ съ основного предложенія. Мы обойдемъ молчаніемъ
тѣ удачныя и правильныя мысли, которыя были высказаны
во вступительной части его, для того, чтобы тотчасъ же от-
мѣтить характерную точку зрѣнія, свойственную этому пред-
ложенію.

Тотъ, кто внесъ предложеніе, желаетъ, чтобы промысль
свободной печати, пользовался общей свободой всѣхъ прочихъ
промысловъ, чего еще до сихъ поръ нѣтъ; такое внутреннее
противорѣчіе является, по его мнѣнію, классическимъ обра-
зомъ непоследовательности. „Работа рукъ и ногъ—свободна,
а работа головы находится подъ опекой. Безъ сомнѣнія, го-
ловъ наиболѣе выдающихся? Конечно, рѣчь идетъ, упаси Боже,
не о цензорахъ. Кому Богъ даетъ чинъ, тому онъ даетъ и
разумъ“.

Въ первый моментъ, въ рѣчи представителя городского со-
словія поражаетъ то обстоятельство, что онъ включаетъ
свободу печати въ свободу промысловъ. Но мы не можемъ
цѣликомъ отвергнуть взгляда оратора. Рембрандтъ изобразилъ
Божью Матерь, въ видѣ голландской крестьянки, почему же
нашему оратору не изображать свободу въ томъ видѣ, кото-
рый ему наиболѣе миль и доступенъ?

Не можемъ мы также отказать разсужденію оратора въ
относительной правильности. Даже если разсматривать печать,
какъ промысль, то ей, какъ работѣ головы, слѣдуетъ предо-
ставить болѣе свободы, чѣмъ работѣ рукъ и ногъ. Освобождѣ-
ніе рукъ и ногъ получаютъ человѣческое значеніе только
путемъ освобожденія головы, ибо, какъ извѣстно, руки и ноги
дѣлаются человѣческими руками и ногами только благодаря
головѣ, которая ими управляетъ.

Какъ ни оригиналенъ на первый взглядъ способъ разсуж-
денія нашего оратора, мы должны все-таки ему оказать без-
условное предпочтеніе передъ безсознательнымъ, туманнымъ
и висящимъ въ воздухѣ разсужденіемъ тѣхъ нѣмецкихъ ли-
бераловъ, которые думаютъ оказать честь свободѣ, посадивъ

ее на звѣздное небо воображенія, вмѣсто того, чтобы оставить ее на твердой почвѣ дѣйствительности. Этимъ резонерамъ воображеніи, этимъ сантиментальнымъ энтузіастамъ, которые боятся всякаго прикосновенія ихъ идеала съ ничтожной дѣйствительностью, какъ профанціи, мы, нѣмцы, отчасти обязаны тѣмъ, что свобода у насъ до сихъ поръ осталась воображеніемъ и сантиментальностью.

Нѣмцы, вообще, склонны къ сентиментамъ и избытку чувствъ, они питаютъ нѣжность къ музыкѣ голубого воздуха. Поэтому отрадно, когда передъ ними великій идейный вопросъ трактуется съ простой, реальной, почерпнутой изъ ближайшей дѣйствительности, точки зрѣнія. Нѣмцы по природѣ очень набожны, очень вѣрнопопданны, слишкомъ преисполнены благоговѣнія. Изъ одного только уваженія къ идеямъ, они ихъ не воплощаютъ въ дѣйствительности. Они создаютъ имъ культъ обожанія, но не культивируютъ ихъ. Поэтому путь, избранный ораторомъ, повидимому, самый подходящій для того, чтобы поближе познакомить нѣмца съ его идеями и показать ему, что онъ имѣетъ здѣсь дѣло не съ чѣмъ-нибудь недосыгаемымъ, а со своими ближайшими интересами, словомъ, ему нужно перевести языкъ боговъ на обыкновенный человѣческій языкъ.

Какъ извѣстно, греки находили въ египетскихъ, ливійскихъ, даже въ скинскихъ богахъ своего Аполлона, свою Аѳину, своего Зевса, и на всѣ особенности чужого культа смотрѣли, какъ на второстепенную вещь. Поэтому нѣтъ ничего предосудительнаго въ томъ, что нѣмецъ признаетъ въ незнакомой ему богинѣ свободы печати одну изъ своихъ знакомыхъ богинь и, согласно этому, называетъ ее свободой промысловъ или свободой собственности.

Именно потому, что мы признаемъ точку зрѣнію оратора и умѣемъ ее цѣнить, мы подвергаемъ ее болѣе рѣзкой критикѣ. „Можно себѣ легко представить существованіе цехового строя рядомъ со свободой печати, потому что умственный промыселъ можетъ быть признанъ занятіемъ высшаго порядка и поставленъ рядомъ съ семью древними свободными искусствами; но существованіе подневольной печати рядомъ со свободой промысловъ—это грѣхъ противъ святаго духа“.

Конечно! Подчиненный видъ свободы само собою признается безправнымъ, если ея высшій видъ ограниченъ въ правахъ. Право отдѣльнаго гражданина—глупость, если не признано право государства. Если свобода вообще, признана, то само собой понятно, что отдѣльный видъ свободы тѣмъ болѣе охраняется, чѣмъ болѣе величественное и развитое существованіе получила въ немъ свобода. Если правомѣрно существованіе полипа, въ которомъ едва теплится жизнь природы, то тѣмъ болѣе правомѣрна жизнь льва, въ которомъ жизнь бурлитъ и рычитъ.

Но какъ ни вѣрно заключеніе, что право высшаго вида слѣдуетъ считать доказаннымъ посредствомъ права низшаго вида,—столь же превратенъ тотъ пріемъ, который примѣняетъ мѣру изъ низшей сферы къ высшей и обращаетъ законы разумные внутри собственныхъ ея границъ въ законы комическіе, навязывая имъ роль законовъ въ сферѣ, внѣ ихъ стоящей. Это все равно, что заставить великана жить въ домѣ пигмея.

Свобода промысловъ, свобода собственности, совѣсти, печати, судовъ все это виды одного и того же общаго рода, свободы безъ спеціальной ключки. Но глубоко ошибочно,—изъ-за единства забывать различія, и совершенно опредѣленный видъ дѣлать мѣрой, нормой, для всѣхъ другихъ видовъ? Это—нетерпимость одного вида свободы, который переносить другія только тогда, когда онѣ сами отъ себя отрекаются и объявляютъ себя его вассалами.

Свобода промысла—есть свобода промысла и только; она не является никакой другой свободой, потому что въ ней природа промысла безпрепятственно выражаетъ свои внутреннія жизненные правила; свобода судовъ есть свобода судовъ, если суды слѣдуютъ собственнымъ правовымъ нормамъ, а не нормамъ другой сферы, напр., религіи. Каждая опредѣленная сфера свободы есть свобода опредѣленной сферы, подобно тому, какъ каждый опредѣленный образъ жизни есть образъ жизни опредѣленнаго характера. Какъ нелѣпо было-бы требованіе, чтобы левъ устроилъ свою жизнь согласно законамъ жизни полипа! Какъ превратно было-бы мое представленіе о сочетаніи и единствѣ организма, если-бы я сдѣлалъ такой выводъ: разъ руки

и ноги функционируют по своему, то глазъ и ухо, эти органы, которые отрываютъ человѣка отъ его индивидуальности и дѣлаютъ его зеркаломъ и эхомъ вселенной, должны имѣть еще большее право на активную работу, другими словами, ихъ дѣятельность должна быть возведенной въ степень дѣятельностью рукъ и ногъ.

Какъ въ міровой системѣ, каждая планета вращается только вокругъ солнца, вращаясь въ то же время вокругъ самой себя, такъ и въ системѣ свободы каждый видъ ея со всѣмъ своимъ міромъ вращается вокругъ центрального солнца свободы, продолжая въ то же время свое движеніе вокругъ себя самой.

Превращать свободу печати въ разновидность свободы промысловъ, значить защищать ее, убивъ ее передъ защитой; развѣ я не уничтожаю свободы опредѣленнаго вида, если я требую, чтобы она была свободна по образцу другого вида? Твоя свобода это не моя свобода, говоритъ печать промыслу. Какъ ты подчиняешься законамъ своей сферы, такъ я хочу подчиняться законамъ своей. Быть свободной по твоему образцу—это для меня тоже, что вовсе не быть свободной, подобно тому, какъ столяръ почувствовалъ-бы себя въ затруднительномъ положеніи, если-бы онъ требовалъ свободы своего ремесла, а ему, какъ эквивалентъ, дали-бы свободу философовъ.

Мы хотимъ высказать мысль оратора въ обнаженномъ ея видѣ. Что такое свобода? Отвѣтъ: свобода промысловъ, подобно тому какъ студентъ на вопросъ: что такое свобода? отвѣтилъ бы: свободная ночь.

Подъ свободу промысловъ съ тѣмъ же правомъ, какъ свободу печати, можно было бы подвести и всякій другой видъ свободы. Судья занимается правомъ, проповѣдникъ религіей, отецъ семейства—исправленіемъ дѣтей; но развѣ я этимъ выразилъ существо судебной, религіозной, нравственной свободы?

Можно было бы также перевернуть весь ходъ разсужденій и назвать свободу промысловъ свободой печати. Развѣ въ промыслахъ работаютъ только руками и ногами, а не головой также? Развѣ языкъ слова есть единственный языкъ мысли?

04.1935920
202.001033

Развѣ механикъ не говоритъ своей паровой машиной внятно для моего уха, фабрикантъ кроватей — ясно для моей спины, а поварь вразумительно для моего желудка? Развѣ это не противорѣчіе, что всѣ виды печати дозволены, кромѣ одной, которая обращается къ моему духу при помощи типографской краски?

Если я хочу защищать свободу какой-либо сферы, если я хочу ее понять, то я долженъ уразумѣть существо ея характера, а не судить о ней по ея внѣшнимъ отношеніямъ. Но развѣ печать остается вѣрной своему характеру, развѣ она дѣйствуетъ согласно своей благородной природѣ, развѣ она свободна, если она унижается до уровня свободы промысла? Конечно, писатель долженъ добывать себѣ средства къ существованію, чтобы жить и писать, но онъ никоимъ образомъ не долженъ жить и писать для того, чтобы промышленять.

Когда Беранже поетъ:

Je ne vis que pour faire des chansons
Si vous m'ôtez ma place, Monseigneur,
Je ferai des chansons pour yivre,
(Я живу для того, чтобы пѣсенки пѣть.
Воспретите вы мнѣ, господинъ, эту жизнь —
Буду пѣсенки пѣть, чтобы жить),

то въ этой угрозѣ заключается та ироническая мысль, что какъ только поэтъ уходитъ изъ своей сферы, поэзія дѣлается для него средствомъ.

Писатель никоимъ образомъ не смотритъ на свои работы, какъ на средство. Онѣ — сами себѣ цѣль, онѣ такъ мало могутъ быть средствомъ для него и для другихъ, что онъ жертвуетъ ради нихъ своимъ существованіемъ, когда это нужно, и инымъ путемъ, нежели религіозный проповѣдникъ, дѣлаетъ своимъ принципомъ: слушаться Бога, больше, чѣмъ людей, въ число которыхъ онъ включаетъ и себя самого со своими человѣческими потребностями и желаніями. Пусть портной, которому я заказалъ парижскій фракъ, принесетъ мнѣ римскую тогу на томъ основаніи, что она больше соотвѣтствуетъ вѣчнымъ законамъ красоты! Первая вольность печати заключается въ томъ, чтобы не быть промысломъ. Писателя, который низводитъ ее на степень матеріальнаго средства, надлежитъ подвергнуть цензурѣ, какъ наказанію за его

рабство, а впрочемъ само его существованіе уже является для него наказаніемъ.

Конечно, пресса существуетъ также, какъ промыселъ, но тогда она становится дѣломъ не писателя, а типографа и книготорговца. Здѣсь же вѣдь рѣчь идетъ не о свободѣ типографовъ и книготорговцевъ, а о свободѣ печати.

Нашъ ораторъ, на самомъ дѣлѣ не останавливается на томъ, что право на свободу печати слѣдуетъ считать доказаннымъ, благодаря свободѣ промысловъ; онъ требуетъ также, чтобы свобода печати подчинялась законамъ о свободѣ промысловъ, вмѣсто того, чтобы подчиняться своимъ собственнымъ законамъ. Онъ полемизируетъ даже противъ докладчика комиссіи, который сталъ на болѣе высокую точку зрѣнія въ вопросѣ о свободѣ печати, и запутывается въ требованіяхъ, которыя могутъ возбуждать только смѣхъ, ибо смѣшно, когда законы низшей сферы примѣняются къ высшей, подобно тому какъ дѣти становятся смѣшными, когда начинаютъ говорить патетически.

Онъ говоритъ о цеховыхъ и не цеховыхъ писателяхъ. Этимъ онъ хочетъ сказать, что использованіе чужого права въ области свободы промысловъ обставлено нѣкоторыми условіями, которыя легче или труднѣе выполнить сообразно каждому ремеслу. „Каменщики, плотники и строители, конечно, должны удовлетворять такимъ условіямъ, отъ которыхъ свободно большинство другихъ промысловъ“. Его предложеніе имѣеть въ виду право частное, право для отдѣльных случаевъ, а не общее право.

Прежде всего, кто будетъ присуждать званіе цехового мастера? Кантъ не призналъ бы за Фихте права на званіе философа, Птоломей — за Коперникомъ права на званіе астронома, Бернгардъ фонъ-Клерво — за Лютеромъ права на званіе теолога. Каждый ученый причисляетъ своихъ критиковъ къ разряду лицъ, не имѣющихъ права на званіе „цехового мастера“. Или можетъ быть неучи будутъ судить, кто имѣеть право на званіе ученаго? Очевидно это придется предоставить „не цеховымъ мастерамъ“, ибо цеховые не могутъ быть судьями въ собственномъ дѣлѣ. Или можетъ быть это право должно быть связано съ принадлежностью къ опредѣленному сословію! Сапожникъ Яковъ Бемъ былъ великимъ философомъ.

Нѣкоторые философы по призванію—суть только большіе сапожники.

Впрочемъ, если говорить о „цеховыхъ и не цеховыхъ мастерахъ“, то нужно быть послѣдовательнымъ и не успокаиваться на различіи между отдѣльными писателями; надо промысель печати опять-таки раздѣлить на разные виды; каждой отрасли писательской дѣятельности надо дать особое званіе; или, можетъ быть, „цеховой мастеръ“ долженъ писать на всѣ темы? Уже напередъ можно сказать, что сапожникъ болѣе способенъ писать на кожѣ, чѣмъ юристъ. Поденщикъ также, какъ и теологъ способенъ писать на тему, нужно ли работать по праздникамъ или нѣтъ. Поэтому, если мы способность свяжемъ съ опредѣленными условіями, то каждый гражданинъ государства окажется цеховымъ и не цеховымъ писателемъ, цеховымъ въ области своего призванія и не цеховымъ во всемъ остальномъ.

Не говоря уже о томъ, что міръ печати при такомъ способѣ разсужденія сталъ бы не связью объединяющей весь народъ, а средствомъ его раздѣленія, что различіе между словесіями фиксировалось бы и исторія литературы была бы низведена на степень естественной исторіи различныхъ духовныхъ звѣриныхъ породъ; не говоря уже о столкновеніяхъ и коллизіяхъ, между смежными породами, коллизіяхъ, которыя неразрѣшимы и неизбѣжны; не говоря уже о томъ, что бездарность и ограниченность сдѣлались бы закономъ для печати, ибо индивидуальное я признаю одухотвореннымъ и свободнымъ только въ сочетаніи съ общимъ, а не въ отдѣленіи отъ него; не говоря уже обо всемъ этомъ и полагая, что чтеніе также важно, какъ и писаніе, нужно согласиться, что должны также быть „цеховые и не цеховые“ читатели. Эта идея послѣдовательно была проведена въ Египтѣ, гдѣ жрецы, эти „цеховые“ писатели, были въ одно и то же время единственными „цеховыми“ читателями. И по нашему мнѣнію было бы очень цѣлесообразно, если бы „цеховые“ писатели одни только имѣли право покупать и читать свои произведенія.

Какая не послѣдовательность! Разъ господствуетъ привилегія, правительство имѣетъ полное право утверждать, что единственно оно — „цеховой мастеръ“ въ своемъ поведеніи, ибо

если вы, внѣ вашего особеннаго сословія, имѣете право, какъ граждане государства, писать о самыхъ общихъ дѣлахъ, о государствѣ, то развѣ другіе смертные, которыхъ вы хотите исключить, не имѣютъ права, какъ обыкновенные люди судить о чемъ-то совершенно частномъ, а именно о вашихъ правахъ и вашихъ писаніяхъ?

Возникаетъ комическое противорѣчіе; „цеховой мастеръ“, оказывается, могъ бы писать о государствѣ безъ дозволенія цензуры, но „не цеховой мастеръ“ не долженъ былъ бы безъ дозволенія цензуры писать о „цеховыхъ мастерахъ“.

Едва ли свобода печати будетъ достигнута тѣмъ, что вы рекрутируете толпу официальныхъ писателей изъ вашихъ рядовъ. „Цеховые“ авторы сдѣлались бы официальными авторами, борьба между цензурой и свободой печати обратилась бы въ борьбу между „цеховыми“ и „не цеховыми“ писателями.

Совершенно справедливо возражалъ на это членъ 4-го сословія: „если еще долженъ существовать цензурный гнетъ, то онъ долженъ быть одинаковымъ для всѣхъ партій, это значитъ что ни одинъ классъ гражданъ въ этомъ отношеніи не долженъ имѣть преимуществъ предъ другимъ“. Мы всѣ подчинены цензурѣ, подобно тому какъ въ деспотіи—всѣ равны, если и не по достоинству, то по ничтожности; а такой видъ свободы печати, о которомъ выше говорилось, хочеть ввести олигархію въ область духа. Цензура въ предѣлахъ своей компетенціи объявляетъ писателя въ крайнемъ случаѣ неудобнымъ, неподходящимъ. Эта же свобода печати исходитъ изъ намѣренія предвосхитить всемірную исторію, предупредить голосъ народа, который до сихъ поръ одинъ только судилъ, какой писатель имѣетъ право на званіе призваннаго „цехового“ и какой — нѣтъ. Если Солонъ позволялъ себѣ судить о человѣкѣ только по окончаніи его жизни, послѣ его смерти, то высказанному сейчасъ взгляду о человѣкѣ дозволяется судить еще до его рожденія.

Печать—это универсальный способъ для индивидуума подѣлиться съ окружающими своимъ духовнымъ содержаніемъ. Она не придаетъ никакого значенія личности, а только ея интеллигентности. Что же вы хотите официально закрѣпить это

духовное стремленіе къ общенію посредствомъ особенныхъ вышнихъ признаковъ? Чѣмъ я не могу быть для другихъ, тѣмъ я не могу быть и для себя. Если я не въ состояніи быть для другихъ духовнымъ существомъ, то я не могу имъ быть и для себя, или вы хотите отдѣльнымъ лицамъ дать привилегію быть духовными существами? Поскольку каждый учится читать и писать, по стольку каждый *долженъ* читать и писать.

А для кого же это раздѣленіе писателей на цеховыхъ и не цеховыхъ должно быть введено? Конечно, не для дѣйствительно „цеховыхъ“, такъ какъ они смогутъ доказать свое право и безъ этого, слѣдовательно, оно существуетъ для „не цеховыхъ“, которые хотятъ внушить къ себѣ уваженіе, становясь подъ защитю привилегій?

Къ тому же, этотъ палліативъ отлично можетъ обойтись безъ законовъ о печати, потому что, какъ замѣтилъ одинъ ораторъ изъ крестьянскаго сословія: „а развѣ привилегированный не можетъ выйти за предѣлы своей компетенціи и подлежать на этомъ основаніи наказанію? Такимъ образомъ законъ о печати необходимъ во всякомъ случаѣ, такъ что мы сталкиваемся съ тѣми же затрудненіями, какъ и при общемъ законѣ о печати“.

Когда нѣмецъ оглядывается на свою собственную исторію, то онъ находитъ главную причину своего медленнаго политическаго развитія, такъ же, какъ и медленнаго развитія его бѣдной литературы до Лессинга—въ институтѣ „цеховыхъ“ писателей. Ученые опредѣленной спеціальности, цеха, привилегіи, *Doktoren und sonstige Ohren*, бездарные университетскіе писатели 17-го и 18-го столѣтія съ ихъ напыщеннымъ важнымъ педантизмомъ и мало „микрологическими“ диссертаціями — стали поперекъ между народомъ и духомъ, между жизнью и наукой, между свободой и челоѣкомъ. „Не цеховые же“ писатели создали нашу литературу. Готшедъ и Лессингъ — выбирайте между однимъ „цеховымъ“ и другимъ „не цеховымъ“ авторомъ!

Мы вообще не любимъ „свободы“ въ единственномъ числѣ, которая въ жизни проявляется только во множественномъ числѣ. Англія во всемъ содержаніемъ своей политической жизни исто-

ри даёт доказательство того, какъ опасенъ для „свободы“ ограниченный горизонтъ свободъ“. „Ces mots „libertés“, говоритъ Вольтеръ, „privillèges“, supposent l'assujetissement. Des libertés sont des exemptions de la servitude générale“ („Эти слова „свободы“, „привилегіи“ предполагаютъ зависимость. „Свободы“ это исключения изъ общаго рабства“).

Когда нашъ ораторъ хочетъ далѣе отстранить отъ свободы печати анонимныхъ писателей и читателей, пишущихъ подъ псевдонимомъ и подчинить ихъ цензурѣ, то мы можемъ ему замѣтить, что фамилія писателя въ печати не относится къ существу дѣла, но что тамъ, гдѣ господствуетъ законъ о печати, издатель, а черезъ него и анонимный писатель или псевдонимъ подлежатъ суду. Къ тому же Адамъ, когда давалъ названіе всѣмъ животнымъ рая, забылъ дать имя нѣмецкимъ газетнымъ корреспондентамъ и безъ имени они останутся присно и вѣвѣки вѣковъ.

Если тотъ, кто внесъ предложеніе, стремился ограничить число пишущихъ лицъ, субъектъ печати, то другіе земскіе чины хотятъ ограничить содержаніе печати, кругъ ея дѣйствія, и на этой почвѣ начинается пошлый базарный торгъ, сколько свободы должна получить свобода печати. Одно земское сословіе хочетъ ограничить предметы вѣдѣнія печати матеріальными, духовными и церковными отношеніями Рейнской провинціи; другое хочетъ установить „приходскіе листки“, самое названіе которыхъ указываетъ на ихъ ограниченное содержаніе; третье совсѣмъ хочетъ, чтобы въ каждой провинціи можно было бы писать свободно только въ одной газетѣ!!!

Всѣ эти попытки напоминаютъ того учителя гимнастики, который предлагалъ слѣдующій наилучшій способъ научиться прыгать—это подвести ученика къ большой ямѣ и отдѣльными ниточками указывать, какъ далеко онъ долженъ прыгать черезъ яму. Понятно, ученикъ долженъ сначала научиться прыгать, и въ первый день не долженъ прыгать черезъ всю яму, но отъ времени до времени нитка должна удлиняться. Къ сожалѣнію ученикъ на первомъ же урокѣ упалъ въ яму и до сихъ поръ лежитъ тамъ. Учитель былъ нѣмецъ, а ученикъ назывался „Свобода“.

Въ среднемъ защитники свободы печати въ шестомъ рейнскомъ ландтагѣ отличаются отъ своихъ противниковъ, не по содержанию высказываемыхъ ими взглядовъ, но по направленію: устами послѣднихъ сословная ограниченность нападаетъ на прессу, а устами первыхъ эта же ограниченность ее защищаетъ.

Одни хотятъ оставить привилегію только въ рукахъ правительства, другіе хотятъ ее распространить на многихъ лицъ; одни хотятъ полной цензуры, другіе—частичной, одни хотятъ $\frac{3}{8}$ свободы печати, другіе ея вовсе не хотятъ. Господи, защити меня отъ моихъ друзей! Но рѣчи докладчика и нѣкоторыхъ членовъ крестьянскаго сословія совершенно расходятся съ общимъ духомъ ландтага.

Докладчикъ между прочимъ замѣчаетъ: „Въ жизни народовъ, какъ и въ жизни отдѣльнаго человѣка, бываютъ такія моменты, когда цѣпи слишкомъ продолжительной опеки становятся невыносимы, когда всѣ стремятся къ самостоятельности и каждый желаетъ самъ отвѣчать за свои поступки“ „Это значить, что цензура пережила сама себя; тамъ же, гдѣ она продолжаетъ существовать, она считается ненавистнымъ гнетомъ, который запрещаетъ писать о томъ, о чемъ открыто говорятъ“. Пиши, какъ говоришь, и говори, какъ пишешь, учать насъ уже наши первые учителя. Позже это истолковывается такъ: говори то, что тебѣ предписано, и пиши то, что тебѣ говорятъ. „Какъ только неудержимое теченіе времени развиваетъ какіе-либо новые, важные интересы и выдвигаетъ новую потребность, для которой дѣйствующее законодательство не содержитъ достаточныхъ опредѣленій, новое положеніе общества должно быть регулировано при помощи новыхъ законовъ, Сейчасъ мы имѣемъ дѣло какъ разъ съ такимъ случаемъ“. Это—правильный историческій взглядъ по сравненію съ тѣмъ фантастическимъ взглядомъ, который убиваетъ разумъ исторіи для того, чтобы затѣмъ кости его, какъ историческія реликвіи, сдѣлать предметомъ поклоненія.

„Задача (законодательства о печати) можетъ быть не легко разрѣшается; первый опытъ, который будетъ сдѣланъ, можетъ оказаться очень неудачнымъ! Но законодателю, который впервые этимъ займется, будутъ благодарны всѣ государства, а при такомъ королѣ, какъ нашъ, прусскому правительству, можетъ

быть, предстоить честь пойти впереди всѣхъ другихъ странъ по тому пути, который единственно ведетъ къ цѣли“.

Какъ изолированно стоитъ этотъ мужественный, достойный, рѣшительный взглядъ въ ландтагъ, это мы показали всѣмъ нашимъ предыдущимъ изложеніемъ, на это также слишкомъ часто указываетъ предсѣдатель самому докладчику, это выразилъ, наконецъ, въ негодующихъ, но прекрасныхъ словахъ одинъ членъ крестьянскаго сословія:

„Вокругъ нашего вопроса заварилась горячая каша“ „Человѣческій духъ долженъ свободно развиваться по своимъ собственнымъ свойственнымъ ему законамъ и дѣлиться тѣмъ, что онъ добылъ, иначе чистый животворящій источникъ превратится въ болото, распространяющее заразу. Если какой-нибудь народъ приспособленъ къ свободѣ печати, такъ это навѣрно мирный, спокойный нѣмецкій народъ, который скорѣе нуждался бы въ понуканіи, благодаря своей флегматичности, чѣмъ въ сумашедшей рубашкѣ цензуры. Имѣть на своемъ пути препятствія, когда хочешь подѣлиться своими чувствами и мыслями съ другими—это очень похоже на сѣверо-американскую систему изолированія преступниковъ, которая при строгомъ ея проведеніи часто доводитъ преступника до сумашествія. Кто не имѣетъ права порицать, того и похвала не имѣетъ никакой цѣны, такая лишенная выразительности печать похожа на китайскую картину, на которой нѣтъ тѣней. Мы не хотѣли бы оказаться рядомъ съ этимъ разслабленнымъ народомъ!“

Если мы теперь бросимъ общій взглядъ на всѣ дебаты по вопросу о печати, то мы не сможемъ подавить въ себѣ того ощущенія пустоты и скуки, которое возбуждаетъ въ насъ собраніе представителей рейнской провинціи, собраніе, которое все время колебалось между умышленной закоснѣлостью привилегіи и естественномъ безсиліемъ либерализма,—мы должны, къ нашему сожалѣнію, прежде всего отмѣтить почти полное отсутствіе общихъ и широкихъ точекъ зрѣнія, равно какъ небрежную поверхностность, съ которой дебатировался и разрѣшался вопросъ о свободѣ печати, и мы спрашиваемъ себя еще разъ: не слишкомъ ли далеко лежитъ печать отъ земскихъ чиновъ, не слишкомъ ли мало она соприкасается съ ними, чтобы они

могли защищать свободу печати съ обстоятельностью и серьезностью диктуемой могучей потребностью?

Свобода печати поднесла свое прошение земским чинамъ съ самой деликатной *captatio benevolentiae*.

Въ самомъ началѣ засѣданія какъ разъ возникли пренія, во время которыхъ предсѣдатель замѣтилъ, что труды ландтага подлежатъ, какъ и всѣ другія произведенія печати, цензурѣ, но что здѣсь онъ исправляетъ должность цензора.

Развѣ въ этомъ вопросѣ дѣло свободной печати не совпадало со свободой ландтага? Это столкновение тѣмъ интереснѣе, что въ данномъ случаѣ ландтагу, въ его собственномъ лицѣ, было дано доказательство того, какъ отсутствіе свободы печати дѣлаетъ всѣ другія свободы иллюзорными. Каждый видъ свободы обуславливаетъ всѣ другіе виды, какъ одинъ членъ тѣла обуславливаетъ всѣ остальные. Какъ только ставится вопросъ о какой-либо отдѣльной свободѣ, тотчасъ же ставится вопросъ о свободѣ вообще. Всякій разъ какъ отвергаютъ какой-либо видъ свободы, вмѣстѣ съ тѣмъ отвергаютъ также свободу вообще, которая можетъ уже вести только мнимое существованіе, и это уже дѣло простого случая, при какихъ обстоятельствахъ гнетъ и произволь проявятъ свою силу. Отсутствіе свободы есть правило, а свобода—исключеніе, когда надъ жизнью господствуютъ случайности и произволь. Поэтому нѣтъ ничего болѣе ошибочнаго, чѣмъ воображать, когда рѣчь идетъ о какомъ-либо отдѣльномъ видѣ свободы, что это отдѣльный вопросъ. Это тотъ же самый общій вопросъ внутри опредѣленной сферы. Свобода остается свободой, выражается ли она въ типографскихъ краскахъ, или въ своей основѣ, въ совѣсти, или въ политическомъ собраніи; но тотъ лояльный другъ свободы, у котораго чувство чести уже оскорблено, когда онъ долженъ рѣшить: быть или не быть свободѣ? Этотъ другъ приходитъ въ изумленіе передъ тѣмъ естественнымъ видомъ, въ которомъ является свобода, онъ въ этомъ видѣ не узнаетъ рода, онъ изъза печати забываетъ свободу, онъ воображаетъ, что судить какое-то чужое существо, въ то время, какъ онъ осуждаетъ самаго себя. Такъ осудилъ самаго себя шестой рейнскій ландтагъ, когда онъ вынесъ свой приговоръ свободѣ печати.

Премудрые практическіе чиновники, которые въ глубинѣ

души и совершенно неосновательно думаютъ то, что Перикль высказать громко и съ полнымъ правомъ. „Я—человѣкъ, который со всякимъ можетъ помѣяться, какъ въ знаніи государственныхъ нуждъ, такъ и въ искусствѣ развивать ихъ“, эти наслѣдственные откупщики политической мудрости будутъ пожимать плечами и съ важностью оракуловъ замѣтятъ, что защитники свободы печати переливаютъ изъ пустого въ порожнее, такъ какъ мягкая цензура лучше, чѣмъ рѣзкая свобода печати. Мы отвѣтимъ имъ на это тѣми словами, съ которыми спартанцы Спертіасъ и Булисъ обратились къ персидскому сатрапу Гидарнесу:

„Государь! совѣтъ, который ты намъ далъ, имѣетъ двѣ стороны, которыя неодинаково вѣсятъ. Одну сторону его, которую ты намъ предлагаешь, ты самъ испыталъ; другая сторона осталась для тебя неиспытанной. Ты знаешь, что значить быть рабомъ,—но свободы ты еще никогда не испыталъ и не знаешь, сладка ли она или нѣтъ. Ибо, если бы ты ее испыталъ, то ты посовѣтовалъ бы намъ сражаться за нее не только копьями, но и топорами“.

